

Глава II

Доминирующие политические дискурсы: в поисках компенсации морального коллапса

1. Кризис либерализма и управление судьбой

Нередко утверждается, что либерализм терпит неудачу именно потому, что миросистема, построенная по его рецептам, сейчас для большинства населения планеты является несправедливой. Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, сумевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. Однако с точки зрения гораздо более многочисленных (в мировом масштабе) эксплуатируемых групп она представлялась плодом гигантского лицемерия и непоследовательности. Права человека предназначены для всех, но ими не обладают (или обладают не в полной мере) люди без солидной частной собственности, нищие и безработные, женщины, упорствующие радикалы, цветные, сексуальные меньшинства, иммигранты. Нищие безответственны и не смогут разумно пользоваться правами, радикалы — опасны, о сексуальных меньшинствах лучше вообще промолчать, дабы не вызвать гнев общественного мнения и церкви, женщины — существа второго сорта (и христианские церкви с этим утверждением согласны), цветные — тоже второго сорта в силу своей расы. Те иммигранты, которые успешно интегрируются в систему, как правило, близки по вере, расе и обычаям коренным жителям — им отдается культурное предпочтение. Что касается «нецивилизованных» народов — то они не более чем объект воздействия цивилизованных наций. Либерализм им тоже предлагал программу своего рода интеграции. Но это была программа потери культурной идентичности, осуществляемая под контролем западной цивилизации, — и она на сегодняшний день почти везде отвергнута.

Тем не менее эта система работала, поскольку в одном чрезвычайно важном аспекте она основывалась именно на справедливости —

и эта справедливость имела свои корни вовсе не только в либеральной идеологии.

Справедливость, теряющая утопический потенциал и все труднее реализуемая в глобальном мире, объединенном, прежде всего, капиталистической миросистемой (следствием чего и стал кризис либерализма), была принципом неуклонного повышения возможностей для всех. Недовольство отвергнутых вызывало то, что их слишком медленно и неохотно признавали созревшими для обретения новых возможностей — это представлялось нарушением базового принципа справедливости. Данное понимание справедливости вытекало из более широкого, чем собственно либеральный, модернизаторского проекта, берущего начало еще со времен Просвещения. Это был проект расширения человеческих возможностей, исходя из прогресса разума вообще и науки в частности. Раньше человек был невежественным и фанатичным, обремененным массой предрассудков. Из-за этого человечество не могло достичь устойчивого благосостояния, благ было мало и не хватало на всех. Теперь же человек был осмыслен как впервые в своей истории сделавший уверенные шаги на пути достижения коллективной и индивидуальной рациональности, как достойный в силу этого благ, которые несет прогресс наук и искусств. Предоставить ему все эти блага стало справедливым. И не случайно первым вестником такого понимания стал утилитаризм с его лозунгом наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Каким было соотношение этого модернизаторского проекта и идеи справедливости? Справедливость впервые в истории стала целенаправленно осмысливаться с точки зрения расширения человеческих возможностей. В прошлом теории справедливости в основном уделяли внимание нормативным вопросам или сосредоточивались на абстрактно понимаемой человеческой природе и ее нуждах.

Модерн во многом изменил это положение если и не в области чистого дискурса справедливости, то в области его идеологических интерпретаций. Социализм мог выглядеть почти как «внешний» корректив либерализма именно в силу того, что он возлагал *еще большие* надежды на модернизаторский проект. Живое представление о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служило источником морального неприятия того, что этому противоречило, и становилось важным критерием различения справедливого и несправедливого. С радикальной точки зрения, особенно с марксистской, самый важный вопрос поэтому звучал примерно так: почему сегодня люди считают несправедливым то, что считали справедливым вчера? Иначе говоря, откуда берет начало моральный импульс возмущения несправедливостью?

И становилось очевидным, что он берет начало из осознания того факта, что сегодня возможности, предоставляемые человеку благодаря совершенствованию науки, техники, производства, государственного управления и т.д. (прогрессом) объективно возросли, в то время как общественные отношения остаются такими, как будто ничего не изменилось. Несправедливость стала заключаться в том, что плоды прогресса присваиваются лишь частью общества — определенно меньшей, чем это можно позволить.

Однако по мере исчерпания модернизаторского проекта вера в развитие всех стран и народов была подорвана. Теории модернизации потерпели неудачу. Возобладали формулировки, исходящие из архаичного представления о праве на жизнь, свободу и собственность. Они были дополнены риторикой на тему прав национально-культурной общности, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ и т.д. *Либерализм и постепенно инволюционировавший к нему социализм именно потому оказались в кризисе, что они никогда не играли самостоятельной роли в обеспечении идеологического обоснования легитимности социального порядка. Главным всегда оставался модернизаторский проект, к которому они оба апеллировали.*

Сам по себе либерализм никогда не был цивилизационным проектом. Как замечает Г. Рормозер, «либерализм предполагает наличие основного консенсуса в обществе, однако внести какой-то вклад в культурную основу такого консенсуса сам он не в состоянии»¹. Либерализм являлся почти «инструментальным» «довеском» к прогрессистскому, модернизаторскому проекту (тому самому «основному консенсусу») Нового времени. А это был проект антропологический, почти религиозный, со сверхзадачей «упразднения судьбы». Пока задача признавалась актуальной, «работали» и либерализм, и социализм. Когда она была признана утопической и нереальной, либерализм и социализм оказались в кризисе. Идейной альтернативы либерализму не возникает именно потому, что его сегодняшние оппоненты используют ту риторику прав человека и прав народов, которая в действительности сама по себе никогда не была достаточной для легитимации социального порядка.

Но проблема, вдохновлявшая прогрессистский проект, остается, как и мотив стремления сформулировать новый проект упразднения судьбы. Этот мотив — в экзистенциальном переживании ограниченности человека узким горизонтом личного, семейного или группового блага, вопросами собственности и безопасности, призрачной сво-

¹ Рормозер Г. Возрождение и новейший кризис либерализма // Кризис либерализма. М.: ИФАН, 1996. С. 69.

боды, которая никогда не достигается в реальной жизни, а вместо нее все время подсовываются суррогаты в виде потребления и т.д.

Либеральное представление о жизни, свободе и собственности в своей основе уже достаточно устарело, ибо было сформулировано в раннебуржуазных обществах. Тогда оно являлось исторически обусловленным ответом на вопрос: что нужно человеку для полноценной жизни в обществе? Ответ уже и тогда был минималистским: все-таки он игнорировал, к примеру, религиозные потребности человека. Поэтому его и пытались все время откорректировать: «жизнь, свобода и собственность» заменялись «жизнью, свободой и стремлением к счастью» или «свободой, равенством и братством». Но он возобладал, ибо альтернатива в виде религиозных и династических войн представлялась гораздо худшей.

В условиях сегодняшнего отсутствия идеологической альтернативы либерализму требуется найти ответ на тот же самый вопрос. Но ответ не может быть узкоидеологическим. Это прерогатива, вероятно, более широкого мировоззрения, формулирующего новый проект управления судьбой, проект достижения человечеством такого состояния, при котором каждый будет уверен, что жизнь обошлась с ним справедливо.

В сущности, кризис современных обществ заключается в том, что люди теряют одни возможности и не приобретают других. Они становятся разного рода маргиналами. И поэтому настоящая, не вызывающая морального негодования справедливость сегодня означает, что никакой человек не может быть лишним. Это моральный принцип, который должен быть положен в основу нового глобального модернизаторского проекта. В настоящее время такая справедливость недостижима в рамках локальных сообществ. Она достижима только во всей миросистеме в целом. Нельзя ограничиться гуманитарной помощью или социальными программами. Речь идет о качестве жизни, базирующемся на постоянном расширении возможностей. Принцип роста возможностей для всех — это вовсе не принцип «равенства возможностей». Лозунг равенства возможностей, как легко убедиться, легко подменяется риторикой прав человека, а затем прав национальной, культурной и религиозной общности, что в сегодняшней ситуации вызвало рост национализмов, «притязаний культуры» и тому подобные следствия, приводящие к социальной дезинтеграции. Главное «право человека» (кроме права на жизнь) или, точнее, его единственное право, которое порождает всю социально-политическую проблематику — это право на расширение собственных материальных, духовных, технических и прочих возможностей, по мере того как он интеллектуально и морально становится готовым пользоваться ими.

Дезинтегрированное общество не может быть восстановлено на прежних принципах, оно может быть только вновь создано. Основой воссозданного общества может стать принцип справедливости как роста возможностей для всех. Такая постановка вопроса подчиняет себе вопросы о собственности, свободе, религиозных и политических убеждениях и т.д. Новое общество, которое по необходимости будет глобальным, явится плодом грандиозного эксперимента как социального, так и политического, и технологического, иными словами — нового модернизаторского проекта управления судьбой.

2. Цивилизационная риторика: кому выгодно?

Возвышающий обман

«Жил-был прекрасный, умный и трудолюбивый русский народ. Добрый, героический и наивный. Разбил он Гитлера, мир спас, в космос первым прорвался, полумиру покровительствовал и уже на Марс экспедицию собирал. Но налетели, откуда ни возьмись, тучи всяких масонов, сионистов, уголовников, постмодернистов, “агентов влияния” и прочих, и поработили прекрасный народ хитростью да обманом, кознями и телевизионной ворожкой. Вот и стонет народ-богоносец и знаменосец под игом кучки жестоких насильников, дожидаясь зова патриотической трубы. Все такой же чистый и прекрасный...»¹. Это иронический пересказ позиции русских «патриотов» публицистом Максимом Калашниковым.

Жил-был не менее прекрасный, трудолюбивый, изобретательный американский народ. Он построил свободное, цивилизованное культурное и высокоморальное общество. Много сделал для привнесения благ цивилизации остальным народам. Разбил Гитлера, слетал на Луну, покровительствовал половине мира, создал Интернет и прочие чудеса техники. Но налетели откуда ни возьмись новые левые, деятели контркультуры, наркоторговцы, иммигранты, феминистки и прочие, и задурили головы честным американцам так, что стали они стыдиться своей исконной христианской культуры и цивилизации. Как и их европейские сородичи. Пока не поздно — спасай Америку! Это краткий пересказ книги П. Бьюкенена «Смерть Запада»². Можно видеть, что она оказалась созвучной настроениям многих наших соотечественников.

¹ Калашников М. Война с Големом. М.: АСТ, Астрель, 2006. С. 179.

² См.: Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.

Книга П. Бьюкенена выбрана здесь в качестве главного объекта критического анализа цивилизационного подхода не только вследствие ее литературных достоинств, но и потому, что она написана в той же цивилизационной парадигме, что и большинство книг наших патриотически и националистически настроенных авторов. Пересекается ряд мировоззренческих моментов, вплоть до полной идентичности. В то же время это взгляд если не с другого полюса миросистемы, то с гораздо более господствующей, чем российская, позиции. Это, помимо прочего, иллюстрация следующего факта: применение цивилизационной парадигмы нивелирует картину действительного положения разных стран в КМС, разница элегантно затушевывается культурной, патриотической и прочей риторикой идентичности.

Мы не случайно даем утрированное изложение позиций Бьюкенена и наших «патриотов»: Америка и Россия — одно и то же, рецепты — одни и те же. Книга Бьюкенена в какой-то мере написана не для американцев, а для нас и для европейцев. Это своеобразное приглашение в «клуб господ», с тем чтобы совместно напомнить прочему миру, кто еще остается в нем хозяином. Приглашение должно нам польстить — и на эту приманку легко пойматься. Но имеет ли смысл для России ловиться на такую приманку? Мы не господа умирающей миросистемы и никогда ими не станем. Мы — страна, которая не так давно хотела эту миросистему изменить и во многом способствовала осознанию другими народами ее несправедливости.

Книга Бьюкенена по прочтении оставляет чувство недоумения. В интеллектуальной традиции, длящейся от Данилевского¹ и Шпенглера² до Хантингтона³ и Бьюкенена, цивилизации рассматриваются как организмы, которые растут, живут и неизбежно умирают. И в этом никто не виноват — такова уж судьба цивилизаций и культур, таковы законы истории. Умирание, конечно, можно замедлить, «подморозив», в терминологии славянофила К. Леонтьева, ту или иную страну. Ведь процесс умирания, особенно если он происходит в полном сознании — болезненный процесс. Конец хочется отсрочить — и в этом, собственно, заключается желание Бьюкенена. На большее адепт цивилизационной парадигмы рассчитывать не может и не должен, если хочет остаться честным с самим собой.

Исходным пунктом любого цивилизационного анализа является возврат к идеальному обществу, которое в силу ряда причин отклонилось от естественных, заложенных в нем путей развития. Поэтому

¹ См.: Данилевский Н. Россия и Европа. СПб.: «Глаголь», 1995.

² См.: Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2006.

³ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

кризис западной, православной и любой иной цивилизации осмысливается как результат отхода от устоев. Любопытно, что цивилизационный подход в последнее время пытаются использовать в виде универсальной интеллектуальной отмычки и правые, и левые, и западники, и славянофилы. Так, российские коммунисты связывают кризис российской (советской) цивилизации не с чем иным, как с разлагающим влиянием западной цивилизации (неолиберальные рыночные реформы, атомизация общества, слом культурной матрицы и т.п.). В свою очередь такие радикальные американские консерваторы-традиционалисты, как Бьюкенен, считают агентами порчи американского общества именно марксистов. И все вместе с позиций цивилизационного подхода обосновывают свои аргументы против издержек пагубной глобализации.

Цивилизационный подход предполагает, что культуры-цивилизации уникальны и конечны. Отсюда исторический фатализм, предполагающий, что политики неспособны что-либо изменить в развитии цивилизации. Только навредить, отклонив ее от предзаданного ее культурным генокодом пути развития. Но рано или поздно все уникальные цивилизации освобождают место под солнцем для новых культур. Поэтому тем более непонятно моральное негодование цивилизационистов по поводу естественных и необратимых с их точки зрения процессов. В самом деле, было бы удивительно, если бы в ходе целенаправленной трансформации западной или православной цивилизаций они «омолодились», вернувшись к своим истокам. История не повторяется. Ни для отдельного человека, ни для цивилизации, ни для человечества в целом.

При этом адепты цивилизационного подхода давно поняли, что он эффективен в качестве апокалиптической «страшилки», мобилизующей общественное мнение в их пользу. Потому он столь актуален сегодня. При этом они склонны считать, что, если цивилизации очень хочется не умирать, всегда можно найти таблетку вечной жизни, правда, вступив в конфликт с собственными исходными аксиомами о тщетности поиска исторических отсрочек для любых цивилизаций, а тем более их возрождения, будь то Великая Америка или Великий СССР.

Рецепт сокрытия собственных противоречий достаточно прост. Например, Бьюкенен представляет ослабление Запада как нечто вроде инфекционной болезни, поразившей его культуру. А такие болезни излечимы, стоит только найти возбудителя. И поэтому мысль Бьюкенена следует по накатанному пути теории заговоров. Причину умирания Запада он находит в нечестивом заговоре приверженцев контркультуры и левых теоретиков, начиная с неомарксистов вроде Анто-

нио Грамши¹ и заканчивая такими меткими критиками общества потребления, как Герберт Маркузе². Это они своей многолетней деятельностью разложили базовые семейные и религиозные ценности европейцев и американцев, они совершили культурную революцию, которая лишила западные народы воли к жизни и воспроизводству, ввели политкорректность, которая обезоружила их перед ордами иммигрантов и т.д., и т.п. Российские державники и патриоты в той же логике рассуждают об агентах влияния в политической элите, о тлетворном воздействии западных ценностей (рыночная конкуренция как война всех против всех, расслоение на богатых и бедных, «нерусскость» элит, «антинародные» СМИ) на православно-советскую цивилизацию.

Эти в высшей степени эмоциональные обличения сегодня не могут не вызывать горькой улыбки и столь же горьких ассоциаций. Россия в XX в. в полной мере прочувствовала все прелести охоты на ведьм с помощью иррационального классового чутья, чей аналог в наши дни на Западе представлен чутьем цивилизационным.

Печально в начале XXI в. наблюдать ренессанс примитивного словесного психологизма, расширенного до глобальных масштабов и напоминающего самое начало Просвещения, когда просветители еще не составили своего универсалистского взгляда на историю (теорий эволюции и прогресса) и все несправедливости объявляли плодом глупости и заговора богатых против бедных. А их враги, ужаснувшись Французской революции, считали ее опять же следствием гнусного заговора просветителей и одураченной ими публики. В настоящее время история Просвещения как фарс повторяется на новом витке, а установленная им интеллектуальная и идейная структура современности вновь испытывается на прочность новыми реакционерами.

Впрочем, чего же еще ожидать от времени, которое отмечено крушением тех самых теорий эволюции и прогресса, левых и либеральных идеологий? В результате западная цивилизация, гибель которой предвидит Бьюкенен, элементарно утратила свою идеологическую надстройку, сохранив претензию на глобальное лидерство. Оказалось, что универсальные рецепты Просвещения без серьезной адаптации эффективны лишь в своем культурно-историческом ареале. А казалось бы, в полностью модернизированных обществах снова появились условия для популярности просветительской теории заговора.

Противники капиталистических революций XVII–XIX вв. далеко не всегда отдавали себе отчет в том, что монархический порядок, пре-

¹ См.: *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.

² См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.

пятствующий развитию капитализма, подрывал сам себя. Поэтому революция казалась им трагическим стечением обстоятельств, следствием успешного заговора врагов королевской власти, христианской церкви и древней традиции.

Контрреволюционеры XXI в., пытающиеся противостоять последствиям культурной революции, мыслят точно так же. Вот еще каких-то лет 40 назад был устойчивый культурный и идеологический порядок, и вдруг его уже нет. Его разрушили антисистемные силы, преимущественно заговорщики в союзе с разного рода обнаглевшими меньшинствами.

Но неужели на пустом месте возникли этот пресловутый заговор левых и контркультурщиков, позволяющие себе все больше вольностей меньшинства, отнимающая рабочие места иммиграция, дехристианизация, депопуляция и прочие казни египетские, которые губят теперь Запад? Не будет ли более разумным предположить, что та самая европейско-американская культура, которая, согласно Бьюкенену, сейчас умирает, породила не только многочисленные блага, но и весь этот клубок проблем — причем одно неотделимо от другого? И не является ли лицемерием считать блага экономической, политической и культурной системы Запада само собой разумеющимися, а подрывающие ее пороки — привнесенными извне заговорщиками?

*Смена интеллектуальной оптики:
кризис западной цивилизации
или трансформация миросистемы?*

Начнем с того, что активная культурно-экономическая трансформация и живописуемые Бьюкененом беды, явившиеся якобы ее следствием (дехристианизация, депопуляция, рост политического влияния эмигрантских, сексуальных и прочих меньшинств), начались в Америке вовсе не из-за того, что эмигранты-марксисты «распаковали» завезенную из Германии «левую идеологию».

Тем не менее продолжительный идейный кризис, начавшийся в конце 1960-х гг. левацкими студенческими восстаниями в Европе (хотя в отношении западных обществ уместнее говорить о «трансформации»), был именно идеологическим. Но чтобы понять это, мы должны рассмотреть ситуацию с помощью иных, нежели предлагаемые цивилизационным подходом, методов и средств. Далее в рамках критики цивилизационизма мы будем придерживаться позиций альтернативного ему миросистемного подхода.

Миросистемный подход рассматривает историю человечества как процесс роста и распада «исторических систем» — империй-эконо-

мик. Несмотря на то что в XIX–XX вв. капиталистическая миросистема впервые в человеческой истории включила в свою орбиту весь мир, сделав его взаимосвязанным экономически и политически, внутри миросистемы нарастали кризисные явления, следствием которых стал целый цикл экономических депрессий, мировых войн, распад социалистического блока стран и т.п. Базовый либеральный консенсус, традиционно критикуемый справа консерваторами, а слева социалистами, к концу XX в. перестал эффективно отвечать на вызовы времени, связанные с ростом экономических, экологических, социальных противоречий внутри капиталистической миросистемы. Многие в настоящее время, как отмечает В. Иноземцев, «говорят о кризисе ценностей, столкновении цивилизаций, отсутствии универсальных стандартов, растущей глобальной неуправляемости. Все это имеет место — однако данные проблемы *не столько возникают за пределами развитых стран, сколько являются проекцией на остальной мир тех тенденций, которые развиваются в самих этих странах*. Глобальное неравенство имеет в наши дни ту же природу, что и неравенство внутри «постиндустриальных» обществ — вся разница между ними заключена в масштабах, а они, в свою очередь, обусловлены тем, что внутри государств имеется развитая система перераспределения значимой части общественного достояния в пользу малоимущих классов, которая напрочь отсутствует в мире в целом»¹.

Либерализм не для всех

Либерализм являлся доминирующей идеологией миросистемы в XVIII–XX вв. потому, что на определенном этапе его стратегия оказалась исключительно успешной. Он сумел, с одной стороны, настоять на относительно постепенном характере прогресса и изменений общества, а с другой — предложил «опасным классам» эффективную программу социальной интеграции — программу социальных и политических реформ. Эта стратегия на долгие годы обеспечила устойчивость капитализма — и не в последнюю очередь потому, что она давала надежду интеграции для всех. И тем не менее данная стратегия никогда не была последовательной. Более того, ее реализация стала возможной именно в силу ее непоследовательности.

Либерализм исходил из необходимости предоставления равных прав и возможностей для всех, но не «здесь и сейчас», а «потом» и только для тех групп, которые будут «готовы» воспользоваться новы-

¹ Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007. С. 58.

ми правами. Требование постепенности изменений принуждало ставить барьер за барьером на пути осуществления всеобщего равенства. Исключенных — вначале в рамках западных обществ, затем в рамках капиталистической миросистемы в целом — всегда было больше, чем избранных. Представители «опасных классов», женщины, иммигранты, люди другой веры и т.д. — только постепенно уравнивались в правах с тем небольшим меньшинством, которое получило их изначально. Например, о правах неевропейских народов, без колониальной эксплуатации которых капиталистическая миросистема была бы невозможной, всерьез заговорили только после Первой мировой войны. Тем не менее эта интеграция все же осуществлялась с помощью различных идеологических инструментов, на одном из которых следует остановиться особо. Это национализм.

«Изобретенный» либерализмом, но позже взятый на вооружение и остальными идеологиями, национализм формально имел языческие корни: из большого числа этнических предков выбирался кто-то один (галлы, бритты, готы, славяне и т.д.) и к нему возводилась риторика относительно национальной общности. Варварские сообщества прошлого могли рассматриваться как предшественники современных наций, поскольку у них была «военная демократия» — правление вооруженных мужчин. С юридической точки зрения национальные государства XIX в. позиционировали себя как такое же правление вооруженных (военнообязанных) мужчин, которые в случае необходимости могли быть мобилизованы как в военном, так и в политическом смысле. Иммиграция, обусловленная формированием международного рынка труда, также вызывала всплеск националистических чувств, появление иммигрантов было символом разрушения традиционного образа жизни и развития капитализма.

Эффективный национализм капиталистической миросистемы предполагал введение в нациях-государствах трех институтов: всеобщего голосования на выборах, построения социального государства и создания системы национальной идентичности посредством всеобщего образования (массовая школа) и всеобщей воинской повинности (армия). Но по мере осуществления этих принципиальных мер, каждая из них столкнулась с противовесом, своего рода «проклятой стороной». Против всеобщего голосования, призванного выражать волю всех влиятельных социальных групп, нашлось противоядие в виде усовершенствованных элитами манипулятивных технологий. Социальное государство негативно повлияло на трудовую этику, оказавшись к тому же не тем «пирогом», от которого смогли бы откусить все социальные слои и даже целые регионы капиталистической миросистемы. Наконец, всеобщая воинская повинность постепенно

стала исчезать из практики западных стран, заменяясь контрактно-профессиональным принципом формирования армии, который, как показывает человеческая история, предвещает «последние времена» для исторических систем и государств, граждане которых отвыкают их защищать.

Христианская религия сыграла в становлении национализма также немалую роль, поскольку в течение столетий приобрела статус уважаемой традиции. Все народы Европы и американцы считали себя христианскими нациями, а свою культуру — однозначно христианской (хотя и не без уважения к языческим предкам). Они также считали себя единственно цивилизованными народами, имеющими право решать судьбы остальных — нецивилизованных. И когда в 1914 г. началась война, то европейцы пошли на нее «как граждане своих стран и защитники цивилизации»¹.

Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, пока комплексные процессы повсеместного освобождения бывших колоний, возрастающий учет интересов эксплуатируемых классов, признание полноправия женщин и различных меньшинств не поставили эту идеологию под огонь разнообразной критики.

И вот когда все «исключенные» решились потребовать давно обещанных прав, и кое-чего добились в этом отношении, то оказалось, что последовательное осуществление либеральных постулатов попутно разрушает культурную основу Запада. И что этому разрушению Запад не может противопоставить ничего, кроме призывов к реставрации, вроде прозвучавшего в книге П. Бьюкенена. Но это утопический призыв. Актуальный кризис миросистемы как раз и заключается в том, что если у людей и народов действительно равные права, то неэгалитарность (неравенство) миросистемы нельзя сохранять. А если неравенство признать фактически, то капиталистическая миросистема объективно теряет легитимность в идеологическом отношении, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом.

Проблема состояла в том, что, несмотря на всю декларируемую универсальность принципов либерализма, чем более глобализированной становилась капиталистическая миросистема, тем сильнее проявлялись фундаментальные асимметрии, касающиеся качества и продолжительности жизни, доходов и потребления, мировоззрения человечества в различных частях света. Усиленное расслоение миросистемы на центр (Западная Европа, США, Япония), полупериферию (социалистический лагерь) и периферию (Латинская Америка, Азия и Африка), или на пер-

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 242.

вый, второй и третий мир, со временем лишь подтверждало свой несчастный характер. В 1991 г. после распада социалистического блока, а затем и СССР появились скороспелые прогнозы о «конце истории»¹ и глобальном торжестве принципов либерализма. Однако область неопределенности и хаоса, конфликтов и террора, принципиальных разногласий мирового масштаба между центром и периферией, Севером и Югом лишь продолжала разрастаться.

На самом деле, как показали дальнейшие события, 1991 г. символически обозначил исторический предел капиталистической миросистемы, по достижении которого она вынуждена трансформироваться. Классический либеральный консенсус перестал устраивать страны за пределами центра миросистемы. Политика как спор великих идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) в рамках либерального консенсуса постепенно уходит в прошлое. А попытки проанализировать ключевые мировые процессы сквозь призму привычных идеологических и политических концепций все более напоминают попытки по игре теней на стене описать реальные фигуры.

Язык политики как язык идеологий, бывший столь самоочевидным и понятным еще во времена биполярности и «холодной войны», все менее способен объяснять актуальную реальность. Поскольку в этой новой реальности такие привычные субъекты коллективного действия, как национальные государства, классы, социальные группы, стремительно растворяются. Кризис привычных идентичностей, попытки заново идентифицироваться с новыми эффективными группами, уже не идеологическими и гражданскими, но языковыми, этническими, религиозными являются прямым следствием дезинтеграции миросистемы. Место претендовавших на рациональность и научность идеологий стремительно заняли цивилизационные мифы. Но то, что приходит на смену, не всегда лучше того, что было раньше. Идейный кризис, отражающий трансформацию миросистемы, приводит к общему регрессу общественности. Сложные идеологические концепции и парадигмы уступают место простому и очевидному: универсализм больших идеологий вытесняется риторикой идентичности, которая в ослабевших национальных государствах все больше базируется на вере, цвете кожи и этнических связях.

Таким образом, претензии либерального консенсуса на глобальность и универсальность потерпели крах как в его догматически Европейском, так и в альтернативном Советском варианте современности-модерна. Поэтому крушение социалистического блока в 1989–1991 гг. является не концом коммунизма и торжеством либеральной демокра-

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

тии, но началом глобальной трансформации актуальной миросистемы в целом. Эта трансформация будет происходить, вероятно, всю первую половину XXI в., пока мир не придет в новое равновесное положение, обрисовать которое сейчас практически невозможно. Естественно, что с точки зрения западных обществ, занимавших наиболее привилегированное и выгодное положение в капиталистической миросистеме, эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить их положение в мире и понизить достигнутый ранее уровень жизни. Неудивительно, что консервативно настроенные элиты западных обществ хотели бы сохранить достигнутый уровень контроля над мировыми процессами, аргументируя происходящие в мире изменения действиями некоего собирательного «Доктора Зло», в которого входят и коммунисты-марксисты, и критики общества потребления, и экологи, и антиглобалисты, и мусульманский фундаментализм, и «мировая ось зла» в виде неподконтрольных Вашингтону государств типа Китая, Ирана, Кубы и Северной Кореи, и многие другие социально-политические силы, стремящиеся к изменению сложившегося «несправедливого» положения дел в нынешней миросистеме.

*Низкие истины:
«избирательная слепота» цивилиционистов*

Общественное сознание давно не нуждается в «гипотезе о Боге» и в публицистических морализациях цивилиционистов, чтобы объяснить естественные демографические, экономические, социальные процессы, происходящие в различных обществах. Эти объяснения могут кому-то не нравиться, но их неприятие будет относиться не к самим фактам, а к оценкам этих фактов. Например, любому человеку неприятен факт собственного старения. Но как бы мы к нему ни относились, факта старения этим не отменить. Время вспять не течет. И любимый Бьюкененом послевоенный период 1945–1950-х гг., когда Европа и СССР лежали в руинах, а США, нажившись на Второй мировой войне, сосредоточили до 50% мирового экономического потенциала, возможно вернуть не с большей вероятностью, чем эпоху динозавров. Тот социальный негатив, на котором сосредоточен статистический материал современных охранителей и цивилиционистов, как правило, является лишь оборотной стороной медали, ценой, которую нужно платить за ведущее положение США и Европы в современной миросистеме. Игнорирование этого факта приводит к поиску воображаемых врагов, мешающих США вернуться в некое идеальное нормативное состояние, которое ассоциируется с образом жизни белых обеспеченных американцев середины XX в.

И этому образу жизни якобы все сильнее мешают мигранты. Странно было бы предполагать, что в глобальной мировой экономике, в основе которой лежит свобода передвижения капиталов и товаров, не будет столь же естественной для нее свободы передвижения рабочей силы. Закрытые границы прямо противоречат аксиомам капитализма. И пока в развивающихся странах численность населения растет быстрее, чем внутренний рынок труда, создавая избыточное демографическое давление и лишние рабочие руки, отток населения из них будет неизбежен. В таких условиях любые ограничения легальной миграции со стороны стран-реципиентов (предельные квоты, требования к уровню доходов и знанию языка и т.п.) будут с лихвой компенсированы потоками «нелегалов».

Миграция не была для нынешних развитых стран проблемой, когда они сами поставляли избытки собственного населения вовне. В настоящее время колониальная экспансия европейских стран в XVIII–XIX вв. бумерангом миграции возвращает свои плоды в бывшие метрополии, которые оказались к этому просто не готовы. Европа и США с каждым годом ужесточают миграционное законодательство. В частности, сенат США утвердил выделение средств на финансирование постройки сплошной стены протяженностью более 2 тыс. миль вдоль границы с Мексикой. Однако специалисты уверены, что популистское решение, требующее миллиардных затрат, никак не скажется на численности прибывающих в США «латиносов». В том числе по вполне легальным туристическим визам.

Одним из мифов, связанных с сокращением населения, является утверждение, что без мигрантов развитые страны не проживут. На самом деле развитые страны давно достигли оптимальной численности населения при нынешнем уровне развития производительных сил. Они могут обойтись без иммигрантов. Вместе с тем в Европе с ее высокой безработицей доля мигрантов примерно равна доле собственных безработных граждан. Аналогичная ситуация и в России. Проблема в том, что мигранты, как правило, занимают самые непривлекательные и низкооплачиваемые ниши на рынке труда, выполняя работы, от которых часто отказываются собственные граждане. Миграционная зависимость проявляется именно в том, что самые непривлекательные сектора экономики развитых стран обслуживаются в своей массе негражданами этих стран. И пока условия и возможности в богатых и бедных странах диаметрально различны, никакие ограничения не остановят людей, стремящихся к более достойной жизни. Если рынок труда имеет ниши для мигрантов, их ничто не остановит.

В дешевом труде заинтересованы прежде всего владельцы средств производства в стране-реципиенте миграции. А люди имеют естест-

венное право свободно передвигаться по миру в поисках работы, которой нет. Отнять это право на свободу передвижения и выбора места работы значит фактически признать неравенство людей, существующее в капиталистической миросистеме. Что, в свою очередь, делегитимирует лежащий в ее основе «либеральный консенсус», предполагающий всеобщее равенство людей в базовых «правах человека», вне зависимости от гражданства, места проживания, расы, социального положения.

Стоит ли нынешней России присоединяться к подобной политической риторике? Ведь не принадлежа к центру капиталистической миросистемы, Россия заинтересована в ее более справедливом переустройстве. Цивилизационисты уделяют много места моральному негодованию по поводу депопуляции Запада, негативному влиянию на США, Россию и Европу иммиграции и различных меньшинств. То, что традиционалистам представляется кризисом или социальной болезнью, на самом деле является лишь малой частью более фундаментальных и естественных процессов в рамках капиталистической миросистемы, которые на самом деле в долгосрочной перспективе выгодны американскому обществу в целом как части глобального человечества.

Рассмотрим эти процессы подробнее.

1. Демографический взрыв в странах третьего мира, якобы ведущий к росту миграции и перерождению западной цивилизации, — это лишь временное явление. Статистика показывает, что демографический рост идет на убыль там, где растет уровень образования, доходов, медицины, урбанизации¹. И наоборот, общий рост благосостояния общества и благополучия людей в различных регионах современного мира не в последнюю очередь обусловлен стабилизацией численности населения, когда прирост населения не «съедает» с лихвой весь прибавочный продукт на душу населения, полученный той или иной национальной экономикой в результате ее роста.

Во второй половине 1930-х гг. антрополог К. Леви-Стросс пронизательно писал по поводу хронически перенаселенной Индии: «...Если общество становится слишком многочисленным, то каких бы гениальных мыслителей оно ни порождало, оно может существовать только тогда, когда создает неравенство. Когда людям становится слишком тесно в географическом, социальном и духовном пространстве, возникает опасность поддаться искушению простого решения, которое состоит в том, чтобы лишить часть этого общества права называться

¹ См.: Todd Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М.: Международные отношения, 2004. С. 37–49.

людьми... С этой точки зрения, те события, театром которых стала Европа последнего двадцатилетия [1910–1930 гг. — Первая мировая война, революция в России, нацизм, фашизм. — *Авт.*], завершающего эпоху удвоения населения, уже не могут казаться мне результатом заблуждения одного народа, одной доктрины или группы людей... Систематическое обесценивание человека человеком распространяется все больше; лицемерно и безрассудно пытаться уйти от проблемы с помощью отговорки, что это временная болезнь»¹.

Таблица 1

Историческая динамика численности человечества²

Год	Численность человечества
5 тыс. лет до н.э.	4 млн
0 н.э.	170 млн
500 г. н.э.	190 млн
1000 г. н.э.	265 млн
1500 г. н.э.	425 млн
1800 г. н.э.	905 млн
1900 г. н.э.	1630 млн
2000 г. н.э.	6000 млн
2050 г. н.э. (медианный прогноз)	9000 млн

В настоящее время демографический переход к современности-капитализму в большинстве регионов мира завершен, либо близится к концу. Но в одних странах «капиталистический» демографический переход к «низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни» уже произошел, в то время как другие только начинают преодолевать период второй демографической революции. Поэтому постиндустриальный мир и слаборазвитые страны находятся в состоянии *демографической неодновременности*, представляя собой разные исторические реальности. Таким образом, некорректно сравнивать развитые страны, уже пережившие свой демографический взрыв, обусловленный переходом от традиционно-аграрного к городскому (индустриальному) образу жизни с всеобщим образованием, современным здравоохранением, высокими среднедушевыми доходами, со странами, которые находятся лишь на пороге современности.

¹ *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ; Инициатива, 1999. С. 192.

² См.: <http://modernproblems.org.ru/capital/instinct/10.htm>.

Европа пережила свой демографический взрыв в XIX — начале XX в. Развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и Среднего Востока переживали его во второй половине XX в., вплоть до настоящего времени. Всплеск рождаемости в них объясняется наложением достижений современной медицины на модель воспроизводства традиционного аграрного общества. Но рост среднедушевых доходов, всеобщий охват населения образованием и медициной, глобальное сокращение доли сельского населения неизбежно ведут к стабилизации рождаемости на более низком уровне. Это правило справедливо и для Европы, и для Японии, и для Кореи, и для ОАЭ, и для стран Африки¹.

Третий мир просто повторяет историко-демографический путь Запада, издержками которого были, в частности, Наполеоновские войны и две мировые войны. Сейчас это происходит в форме многочисленных военных конфликтов на мировой периферии в ряде стран Азии, на Среднем Востоке и в Африке, где ценность человеческой жизни еще не столь велика, как в нынешней Европе. Но то, что иммигранты едут именно в страны Запада — лишь следствие закономерностей функционирования миросистемы, подразумевающих свободное циркулирование рабочей силы и капиталов. Чем меньше будет разрыв в доходах и уровнях оплаты труда в странах Запада и в остальном мире, тем менее они будут интересны для иммигрантов, которые едут туда не для «хорошей жизни», но по большей части от «плохой».

Нынешние развивающиеся страны совершают демографический переход в более короткие сроки, чем Европа, которой для этого потребовалось больше века. По подсчетам специалистов, «1967 год стал рекордным по темпам роста населения и в мире в целом — 2,1% в год. А начиная с 1971 г. они стали постепенно снижаться, достигнув к 1997 г. 1,6%. Последнее десятилетие XX в. оказалось в демографическом плане переломным. Начался процесс *демографического перехода*, когда популяционная стратегия “снижение смертности, темпов рождаемости и темпов прироста населения”, которая возобладала в развитых странах еще в XIX в., постепенно становится доминирующей во всем мире»². По прогнозам, темпы прироста мирового населения сократятся в 2010 г. до 1,11%, а в 2030 г. до 0,77%³. Таким образом, исторический пик темпов глобального демографического прироста человечества в результате перехода к современности-капитализму можно

¹ См.: *Мартынов В.С.* Политизированная демография, или Сколько населения нужно России // *Россия и современный мир.* 2008. № 1 (58). С. 26–45.

² *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.* Критическая перенаселенность России // *Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России.* М.: ИНФРА-М, 2005. С. 35.

³ См.: *Фет А.И.* Инстинкт и социальное поведение. С. 193.

считать пройденным. Поддержать прежний темп роста без появления принципиально новых технологий и ресурсов невозможно, так как различные технологические, экологические и сельскохозяйственные факторы явили свои пределы эксплуатации.

Например, если в 1950–1955 гг. в мире на одну женщину в среднем приходилось 5 детей, то в 1995–2000 гг. эта цифра сократилась до 2,8 детей. За последние 50 лет в Китае среднее число детей на одну женщину сократилось с 6,2 до 1,8; в Индии — с 6,0 до 3,3¹. Причем, по подсчетам экономистов, в сокращение бедности современного Китая гораздо больший вклад внесло жесткое ограничение рождаемости, нежели экономический рост². Указывая на китайское лидерство в темпах роста экономики, не следует забывать, что в Китае нет системы пенсионного обеспечения по возрасту, всеобщего здравоохранения и даже обязательного среднего образования. Поэтому китайская экономика и государство не обременены теми социальными обязательствами, которые осуществляются в России, США и Европе³.

Более того, по прогнозам отечественных экономистов, завершение мирового демографического перехода и технологическая модернизация развивающихся экономик обусловят в ближайшие 15–20 лет три положительные тенденции⁴. Во-первых, ускорение темпов роста мировой экономики в 2011–2020 гг., вместо имевшихся 1,3% в год 1980-е и 1,6% в год в 1990-е гг. В результате мировой ВВП к 2020 г. может фактически удвоиться по сравнению с ВВП 2007 г., достигнув величины 117 трлн долларов. Во-вторых, ускорение экономического роста на фоне снижения темпов прироста населения приведет к значительному росту ВВП на душу населения в мире. К 2020 г., по реалистическому прогнозу, до половины населения Земли сможет жить в государствах, где среднедушевой ВВП составит более 10 тыс. долларов в год. В-третьих, неуклонно и повсеместно будет расти ценность *каждой отдельной* человеческой жизни, обладателя которой уже не так легко можно будет уговорить рисковать ею во имя чьих-то сомнительных и неуниверсальных интересов, будь то военные хунты, наркокартели, террористы, экстремисты, межэтнические противостояния и т.п.

Особого внимания заслуживает изменение плотности населения в различных частях мира. Согласно положениям структурно-демографи-

¹ См.: Вишневецкий А. Демографическое будущее России // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 11.

² См.: Иноземцев В.Л. Маленькие страны в большой политике // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 89.

³ См.: Томчин Г. Почему Россия — не Китай // <http://www.tomchin.ru/society/analytic/5758.html>.

⁴ См.: Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М.: Магистр, 2007. С. 66–74.

ческой теории Дж. Голдстоуна¹, демографические циклы, связанные с изменением плотности населения, могут оказывать детерминирующее влияние на динамику социальных отношений, вплоть до предпочтения обществом той или иной формы правления. Например, перенаселенность провоцирует автократию и жесткое регулирование распределения дефицитных ресурсов, а свободный доступ населения к избыточным для него ресурсам, прежде всего к земле, — демократические формы самоуправления общества. Достижение же экстремально высокой плотности населения для конкретного исторического и технологического уровня развития общества чревато социальными катастрофами и революциями. В природе любая популяция, вышедшая на пределы экологической ниши, приводится к оптимальному уровню через «сжатие», то есть катастрофическое сокращение ее численности. Отчасти данная аналогия уместна и для человеческих популяций, исчерпавших ресурсы своего развития на данном технологическом, экономическом и социальном уровне.

Таблица 2

Плотность населения в мире в 2006 г.²

Регион	Плотность населения (чел. на км ²)
Мир в целом	49
Развитые страны	24
Развивающиеся страны	64
В том числе:	
Азия	125
Африка	30
Северная Америка	17
Южная Америка	21
Европа (включая Россию)	32
Россия	8
Страны с высокой плотностью населения:	
Гонконг (Китай)	6544
Тайвань	630
Нидерланды	402
Индия	341
Япония	338
Великобритания	247
Китай	137

¹ См.: Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley: University of California press, 1991.

² См.: <http://demoscope.ru/weekly/ias/ias05.php?tim=0&cou=0&terr=290&ind=61&Submit=OK>.

Правда такого рода политико-демографическая логика ограничена условиями аграрных обществ и оказывается неприемлемой в условиях постиндустриальности. Ибо здесь производимый конкретным обществом полезный продукт все менее связан с земельными ресурсами и все более — с технологиями, интеллектом, изобретениями, которые с лихвой могут быть обменены на дефицитные продовольственные ресурсы, производимые в других частях света. Поэтому перенаселенные, но высокотехнологичные сегменты современной миросистемы вовсе не обязательно демонстрируют повышенный уровень социальной агрессии, склонности к рукотворным катаклизмам, как показывает опыт Японии, Тайваня, Гонконга или Нидерландов и Великобритании.

Более того, некорректно сравнивать развитые страны, пережившие переход от традиционно-аграрного к городскому (индустриальному) образу жизни (с всеобщим образованием, современным здравоохранением, высокими среднедушевыми доходами и индексами человеческого развития) со странами, которые находятся лишь на пороге современности. Это аналогично сравнению той же патриархально-аграрной Франции 1800 г., где на семью в среднем приходилось 7 детей (кстати, результатом подобного демографического давления во многом стали Французская революция и Наполеоновские войны), и Франции 2007 г. с 1,9 ребенка на среднестатистическую семью. Это разные исторические реальности. Большая семья имела смысл в условиях крестьянских обществ. Лишний ребенок — лишний работник. В нищих странах третьего мира еще один ребенок — это еще один шанс, что хоть кто-то выберется из нищеты и обеспечит все семейство. Это разумная экономическая стратегия. Много детей потому, что качество жизни низкое. В городской культуре раннего индустриального общества резкий рост населения объясняется тем, что в силу возросшего качества жизни (в том числе медицинского обслуживания) большинство детей выживает. Очевидно, что подъем уровня жизни, образования и здравоохранения ведет к снижению рождаемости и вне ареала «западной цивилизации».

Но авторы типа Бьюкенена в полемических целях сравнивают несравнимое: страны с аграрным и постиндустриальным жизненными укладами. При этом вместо помощи в переходе остального мира к современности Запад всеми силами стремится сохранить исторический разрыв существующих в настоящее время предсовременных и постиндустриальных обществ.

2. Давно уже замечено (и одной из первых эту мысль обосновала Р. Люксембург¹), что капитализм живет за счет эксплуатации некапи-

¹ См.: Люксембург Р. Накопление капитала. В 2 т. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 1. С. 228–258.

талистического окружения. Капитализм, а шире — индустриальная цивилизация постоянно разрушает почву, из которой она выросла в результате присущего ей асимметричного обмена. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство, традиционная культура, средневековая этика, полезные ископаемые, природная среда и т.д. — это всё невозполнимые «ресурсы», из которых капитализм строит свою цивилизацию. Когда, например, дешевые источники рабочей силы исчерпались в Европе — пришла очередь привлечения иммигрантов. Ведь только вчерашний крестьянин станет дисциплинированно заниматься скучным и тяжелым трудом на фабрике или убирать мусор на улицах, или мыть посуду в ресторане. Сами европейцы, американцы и русские этого делать больше не хотят. И это закономерно. Не позволяет возросший уровень притязаний, характерный для «общества потребления».

При этом цивилиционисты выступают за возведение барьеров для иммигрантов в получении тех социально-политических прав, которые имеют коренные граждане. И тем самым фактически оправдывают справедливость деления на граждан и «неграждан». Закрываются глаза и на выгоды использования дешевого труда нелегалов-иммигрантов крупными ТНК. Традиционалисты и консерваторы, апеллируя, с одной стороны, к христианским ценностям, свободному рынку и свободе движения капиталов как к политической иконе, с другой — отказывают в столь же естественной мобильности и свободе перемещения трудовых ресурсов. Возмущаясь тем, что женщины начинают конкурировать на рынке труда с мужчинами, перестав быть хранительницами семьи и домашнего очага, они в то же время не готовы перераспределить доходы в пользу бедных, что позволило бы женщинам не работать.

Капитализму дешевле содержать лишних людей в социальном, иммигрантском, этническом гетто на пособия, чем дать им реальные возможности пройти (пере-) обучение и найти работу. Новое рабочее место стоит дороже минимального пособия. Но при этом ограниченная логика чистой прибыли не берет в расчет комплекс сопутствующих социальных проблем, связанных с воспроизводством безработицы. Проблемы асоциальности трактуются консерваторами в отрыве от множества порождающих ее причин, и прежде всего бездействия государства в отношении тех, кто разучился встраиваться в социальную систему, оказался асоциальным в результате политики успокоения обездоленных минимальной ценой, вместо их реальной реинтеграции в общество.

Наконец, технологический прогресс неизбежно ведет к изменению структуры занятости, прежде всего к сокращению классического рабочего класса, уже не являющегося численно доминирующей груп-

пой населения в развитых странах. Исторически большинство населения Земли занималось сельскохозяйственным трудом. Сейчас в развитых странах аграрии составляют не более 2–3% населения. Параллельно во всем мире идет процесс «сжатия» численности рабочего класса¹. Современная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости. В отличие от расширяющегося сектора услуг и инновационных технологий. Но и здесь массовая занятость не требуется, так как изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, где полученный результат лишь копируется в промышленных масштабах, в неограниченном числе копий.

Таким образом, глобальная трансформация индустриальной современности, базирующейся на ценностях прогресса и *сакрализации труда*, влечет серьезные изменения в социальной структуре обществ и их идеологических представлениях о себе. В обществе потребления прогресс начинает зависеть от конструирования все новых целей и потребностей, под которые создаются новые отрасли экономики. Например, в развитых странах новыми целями и потребностями является все то, что относится к экологической сфере (чистый воздух, вода, не измененные генетически и не вскормленные химическими удобрениями продукты и т.п.). Ради новых ценностей и целей люди готовы повысить свои потребности и стандарты жизни, а значит и мотивацию к труду.

3. По логике цивилизационистов в современных западных обществах благодаря гарантиям высоких пенсий для стариков, разрушению традиционных семейных ценностей (почему-то отождествляемых Бьюкененом с христианскими), контрацепции, разделяющей функции секса и процесса зачатия, отпадает сама потребность людей в деторождении. Но почему тогда люди западной цивилизации, где победили антихристианские гедонистические ценности, вопреки этой логике удовольствия и жизни для себя вообще работают и рожают? Более того, в США сегодня рождаемость достаточна для сохра-

¹ Развитие креативных технологий, сферы услуг и образования часто является *вынужденной* стратегией развитых обществ, следствием не органической постиндустриализации, а вынужденной реиндустриализации и рекапитализации «информационного общества» без «рабочего класса», вследствие неконкурентоспособности в секторе реального производства. Однако лишь немногие экономики центра миросистемы способны на подобную модернизацию, на переход из реального в «виртуальные сектора», связанный с необходимостью привлечь на свое развитие с помощью ТНК или прямой господдержки рекордные инвестиции. Что обеспечит в дальнейшем глобальную монополию или олигополию этих секторов национальных экономик и соответственно высокие нормы прибыли, поддерживающие уже достигнутый уровень жизни.

нения достигнутой численности населения, составляя 2,04 ребенка на семью¹. Что действительно определяет демографию, так это уровень образования, здравоохранения и доходов. Бьюкенен приводит эффективный, с его точки зрения, пример, согласно которому единственной европейской страной, где рождаемость позволяет воспроизводить достигнутой численности населения, является маленькая мусульманская Албания, с невысокой рождаемостью 2,3 ребенка на одну женщину. Но Бьюкенен «забывает» напомнить, что Албания одновременно является и самой бедной европейской страной с наименьшими среднедушевыми доходами, занимающая 102-е место из 136 стран мира, где ведется подобная статистика. (Россия в этом списке занимает 66-е место².)

Цивилизационисты также не учитывают, что обеспеченным слоям населения заводить детей не позволяет элементарная нехватка времени на заботу о них. Это не значит, что современный человек работает больше, чем средневековый крестьянин. Это значит, что занятия его таковы, что ребенок не может постоянно наблюдать за отцом или матерью, брать с них пример, овладевать как профессиональными, так и социальными навыками и т.д. Это результат разорванности жизни на дом и работу. Увеличился и период самого взросления, то есть социализации человека в обществе. Но преодолеть депопуляцию не получится путем возврата к старым обычаям. Нужен новый, менее фрагментированный образ жизни, основанный, возможно, на принципиально новых технологиях и социальных отношениях. Тогда родятся новые дети, но это не значит, что они займутся работой, которую сегодня делают иммигранты. Или Бьюкенен и Хантингтон, Дугин и Панарин, как и прочие традиционалисты, наивно на это рассчитывают?

4. Многие отечественные и западные цивилизационисты, призывают к культурной реставрации, что означает для них в первую очередь реставрацию религиозную — массовое возвращение к христианским ценностям, которые суть ценности аграрного, традиционного общества. Это желание не ново и не удивительно: материально-технический прогресс капитализма во многом сопровождался негативным регрессом общественной морали, долгое время (почти до XVIII в.) не позволявшей жестокой и «вне-моральной» капиталистической логике стать доминирующей в обществе.

И христианские традиционалисты наполовину правы — религиозная реставрация сейчас возможна и действительно происходит.

¹ См.: Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации. С. 105 // www.unfpa.org.

² См.: Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 677–678.

Но это — реставрация традиционных ценностей, осуществляющаяся в европейских и американском обществе *под эгидой ислама*. Ислам постепенно занимает пустующую идеологическую нишу, покидаемую христианством и либерализмом — и занимает ее в ответ на непоследовательность того и другого. Ислам все больше принимают коренные европейцы — во Франции таковых насчитывается по разным оценкам от 50 до 300 тыс. «Русские принимают ислам в таком количестве, — пишут Ю.Н. Голубчиков и Р.А. Мнацаканян, — что православная церковь бьет тревогу, а Союз православных граждан призывает к бойкоту бывших единоверцев, избравших религию Аллаха»¹. В экспертном докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025», предполагается, что население России сократится к 2025 г. с 141 до 131 млн человек, а доля мусульман в России возрастет с 14% в 2005 г. до 19% в 2025 г. и до 23% в 2050 г.²

Ислам дает идейную поддержку и миллионам черных американцев. В глобальном же масштабе он не без успеха пытается выступать альтернативой несправедливому и не равному для всех порядку в разлагающейся капиталистической миросистеме, поскольку отрицает национальные различия, выступает за сглаживание имущественного неравенства и солидарный социальный порядок. И таким призывам ислама «униженные и оскорбленные» начинают верить больше, чем аналогичным призывам христианских церквей. Христианство оказалось слишком тесно связанным с либеральным консенсусом. Будучи проводником, либо просто не противясь воле правящих элит, христианство как церковный институт изрядно дискредитировало себя, в конечном счете всегда санкционируя капиталистический миропорядок, разрушающий традиционную христианскую мораль. Веками оно провозглашало равенство всех людей перед Богом, но в действительности было основанием культуры как раз той цивилизации, которая подчиняла себе весь мир, не слишком заботясь о равенстве прогрессоров и варваров. Ислам на этом фоне часто выглядит как эгалитаристская и одновременно традиционалистская альтернатива христианской религии, как религия, способная выполнить не сдержанные христианством и либерализмом обещания. Хотя, конечно, обольщаться насчет ислама, с учетом практики его радикальных и экстремистско-террористических течений вряд ли стоит.

5. Вопреки гневным филиппикам Бьюкенена в адрес критиков капитализма, марксистов и СССР, они не только не расшатывали капи-

¹ Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.А. Исламизация России. М.: Вече, 2005. С. 388.

² См.: Доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025» // www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.

талистическую миросистему, но, наоборот, исторически во многом ее стабилизировали. Именно разочарование в марксизме и исторический крах СССР привели к всеобщему скепсису относительно традиционных левых движений, являвшихся политическими выразителями интересов «опасных классов». Это, в свою очередь, привело к нынешней глобальной неустойчивости миросистемы. Роль ключевого внутренне-го стабилизатора, инициировавшего контролируемые изменения, которые укрепляли, а вовсе не разрушали капиталистическую систему (как полагали крайние левые), после крушения СССР выполнять стало некому. Исторически именно социалисты и коммунисты наиболее активно побуждали капитализм к совершенствованию, поддерживали веру в прогресс и лучшую участь будущих поколений, веру в иное будущее, нежели несправедливое настоящее. Отсюда проистекал исторический оптимизм периферийных стран и классов, обделенных выгодами в рамках миросистемы капитализма. Но вместе с распадом социалистического блока рухнули надежды мирового левого движения и мировой периферии на неизбежность движения к более эгалитарному и справедливо устроенному миру. К тому альтернативному будущему, надеждой и реальной силой которого, заставлявшей капиталистическую миросистему меняться в лучшую сторону, был СССР.

Таким образом, мировой кризис левых идей и национально-освободительных движений являет собой нечто прямо противоположное той воображаемой победе в рамках мирового «заговора» над исконными ценностями западной цивилизацией, которую им приписывают цивилизаторы типа Бьюкенена. Более того, в США, в отличие от Европы и России, вообще никогда не было организованного левого движения. Исторически это связано с тем, что США сразу возникли как капиталистическая страна, не нуждавшаяся в сломе старого порядка монархии путем буржуазной революции. По меткому замечанию Ж. Бодрийера, современная Америка возникла из микромоделли протестантской секты XVII–XVIII вв., законсервировавшейся затем в масштабах целой страны¹.

По словам американского политолога В. Чиббера, наиболее левая из реальных политических сил в США — Демократическая партия в реальности занимает более консервативные позиции, нежели даже Консервативная партия в Великобритании². «Вопрос, который Вернер Зомбарт сформулировал в начале первого десятилетия XX в. — «Почему в Соединенных Штатах отсутствует социалистическое движе-

¹ См.: *Бодрийер Ж.* Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 167–169.

² См.: *Экономический национализм (Интервью с В. Чиббером) // Политический журнал.* № 22–23 (118–119) от 26.06.2006. С. 41.

ние?» — демонстрирует в этом отношении принципиальную разницу между Европой и США¹. Не только различные институциональные сферы проявляют свою относительную независимость, но даже вариации их сцепления между собой чрезвычайно разнообразны среди модернизирующихся обществ и, еще более определенно, в различные периоды их развития. В профсоюзах, которые считаются традиционным оплотом левых сил, в США состоит менее 10% работающего населения. Политического влияния здесь профсоюзы в отличие от Европы никогда не имели, будучи полностью вписаны в сложившийся политический порядок США, и не были в силах предложить какой-либо альтернативы статус-кво. Поскольку этот порядок не устраивает значительную часть населения, не имеющего политических представителей, которые выразили бы это недовольство — социальный протест уходит внутрь, оборачиваясь ксенофобией, алкоголизмом, шовинизмом, ростом бытовой преступности и т.п. С помощью цивилизационной риторики этот протест можно направить против козлов отпущения в лице «чужаков-иммигрантов», марксистов, меньшинств. Но это не имеет никакого отношения к настоящим причинам происходящих в западных обществах трансформационных процессов.

*Смутное будущее: апокалипсис
или трансформация миросистемы?*

Итак, актуальная популярность цивилизационизма во многом объясняется реакцией общественной мысли на крах миросистемы, основанной на принципах либерального консенсуса. В рамках этого консенсуса предполагалось глобальное постепенное построение эгалитарной общественной системы. В реальности разрыв между богатыми и бедными, Севером и Югом во второй половине XX в. продолжал увеличиваться. Мировая периферия перестала питать иллюзии относительно концепций, сулящих возможность догнать Запад, будь то с помощью шоковых реформ, неолиберальной модернизации или культурной вестернизации. Оказалось, что Ахилл никогда не догонит черепаху. Рост неравенства в миросистеме и внутри отдельных стран привел к выводу о необходимости отказаться от либерального консенсуса, который не дал ожидаемых результатов в виде равенства, социального государства, права на достойный труд, образование и здравоохранение большинству человечества. Осознание распада устойчивой миросистемы 1789–1989 гг. привело к необходимости поиска альтернативных проек-

¹ Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 214.

тов вместо миросистемы, основанной на либеральном консенсусе с двойным дном. Однако в настоящее время — помимо впечатляющей критики — целостной альтернативы капиталистической миросистеме и либеральному консенсусу нет. Один из простых, но по сути дела типовых путей преодоления сложившейся ситуации предлагает взгляд на современный мир сквозь призму цивилизационизма. Причем этот простой путь приобрел сторонников как среди бывших цивилизаторов, так и среди тех, кто весь XX в. стремился избавиться от глобальной опеки Запада. Наступательное цивилизаторство превратилось в оборонительную цивилизованность. Но в любом случае этот путь априорно закрывает путь к новой глобальной универсальности, универсальности, которой все еще обладает либеральная капиталистическая миросистема.

Безусловно, господствующие слои западных обществ, которые получают наибольшие выгоды в миросистеме, основанной на либеральном консенсусе, озабочены тем, что эта система все хуже справляется с ростом внутренних противоречий и неравенств. Критики все эффективнее пытаются пересматривать ее идейные основы. Мировое влияние Запада плавно ослабевает относительно новых регионов геополитического роста. Все это обуславливает неизбежную трансформацию миросистемы. Крах левых обозначил и тот факт, что капиталистическая миросистема уже не способна к управляемым социальным изменениям, имеющим целью снижение остроты внутренних противоречий. С другой стороны, отсутствие каких-либо способов влияния на миросистему со стороны недовольных групп, классов, обществ ведет к утрате былых иллюзий и прежней готовности терпеть несправедливое настоящее ради лучшего будущего.

Кризис глобального либерального консенсуса капиталистической миросистемы сопровождается измельчанием, мультипликацией и радикализацией всех общественных конфликтов. В том числе в результате постоянно растущих притязаний эксплуатируемых в ответ на малейшие признаки реальной или воображаемой эксплуатации. Как и в результате все меньшего желания эксплуататоров делиться дальше. А распадающиеся нации уже не в силах поддерживать веру в необходимость достаточно авторитарного и сильного государства, способного сохранить общее благо и логику долгосрочных интересов всего общества от посягательств частных групп интересов.

Гиперактивное гражданское общество, трактуемое многими адептами либерализма как безусловное благо, подавляет автономию государства, поскольку любое противодействие каким-либо группам тут же оценивается как проявление тоталитаризма и расизма. Затем совокупность неконтролируемых групп разваливает закон и нацию,

и в конечном итоге гражданское общество съедает само себя, поскольку никто не хочет уступать во имя целого и всеобщего, а государство утрачивает способность выполнять функцию строгого арбитра.

Перестают работать такие формы борьбы за изменение общих правил, как классические партии и идеологии. В условиях ослабления национальных государств активизирующиеся меньшинства могут бороться лишь за изменение своего положения внутри общества, не будучи способными изменить общество в целом. Неразрешимый конфликт групповых интересов, когда потеряны механизмы его вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по вере в государство, способное руководствоваться всеобщими интересами. Стремление групп к уникальности, а не к универсальности закрывает возможность диалога между ними. Здесь интеллектуалам-конформистам остается лишь следовать модели конфликта классов, этносов, религий или цивилизаций. Подобные бинарные схемы удобны для вычленения врагов тех или иных групповых интересов, которые часто путают с государственными, но они тупиковые с точки зрения способности интегрировать распадающиеся нации-государства.

*Уроки для России: Не Запад.
Не Восток. Не Евразия*

Руководствуясь цивилизационным подходом, Россия оказывается в арьергарде современной политической мысли Запада, в одной компании с маргинальными политическими течениями, такими как пещерный неоконсерватизм рейгановского периода, традиционализм и обанкротившийся на практике многих периферийных стран (Чили, Аргентина, Восточная Европа, Россия) неолиберализм. Нынешние идеологи этих течений весьма далеки от того, чтобы реально влиять на национальную и международную политику своих стран, относимых к западной цивилизации.

Между тем России в международных отношениях исторически присущи эгалитаризм и универсализм, готовность к диалогу с любыми странами на основе всеобщих и равных норм, которые могут стать глобальными. Именно таким образом в XX в. России удалось сплотить интересы половины мира, обладая несопоставимо меньшими экономическими ресурсами влияния, чем Запад.

Искусственно возвращаемые и часто воображаемые цивилизационные ограничения создают дурную политическую оптику, с ложной перспективой. Подобный обскурантизм связывает руки, лишает внятного представления о собственных национальных интересах России, неадекватной реакцией на которые и является цивилизацио-

низм. Ключевые задачи, стоящие перед Россией, и способы их решения совсем другие, нежели те опасности в виде миграции, «куриного гриппа», международного терроризма, которые раздуваются в информационной сети СМИ. Они несопоставимы с действительно важными проблемами перехода российского общества от абстрактной свободы к конкретным принципам справедливости.

Поскольку этот переход направлен против статус-кво правящих элит, для которых лучше, чем есть, быть уже не может, они используют отвлекающую цивилизационную риторику, согласно которой источники несчастий России и главные враги находятся за ее пределами, а основная проблема в том, что в силу нашей «уникальности» Запад нас не хочет понимать, либо не может понять в принципе. Потому что боится России и не хочет ее усиления. Из этого делается вывод: а) мы иные и уникальные, раз Запад нас не понимает; б) тот, кто нас не понимает, является врагом, только и ждущим, чтобы сделать России очередную пакость; в) именно из-за происков иноцивилизационного империализма, а не отечественных чиновников народ плохо живет. Поэтому надо потерпеть. И действительно, канализация социального протеста с помощью конфликтной цивилизационной риторики, национализма и патриотизма эффективно выполняет отвлекающую роль.

Вместе с тем болезненная реакция России на любое недружественное телодвижение Запада все же свидетельствует об обратном — о не менее болезненном стремлении стать Западом. Поскольку исключенность России из «западной цивилизации» на самом деле оборачивается исключенностью из миросистемы. Здесь вместо эффективного влияния на глобальные политэкономические процессы вместе с ведущими мировыми державами, обобщаемыми в понятие «западная цивилизация» (хотя между ними тоже есть немало противоречий), реализуется самоценный для российских элит конфликтный сценарий, предназначенный для внутренней повестки дня. В умах российской элиты возникает раздвоение. С одной стороны, налицо стремление войти в международные структуры ВТО, ЕС, ООН, гордость за полноправное участие в работе саммитов «большой восьмерки». С другой — старательное игнорирование того факта, что все внешнеполитические устремления России есть попытки добиться признания ее, если пользоваться цивилизационными категориями, частью «большого Запада», породившего эти международные структуры и во многом контролирующего их деятельность. При этом любой «естественный конфликт» экономических и политических интересов России с Западом, вполне разрешаемый в рабочем порядке, немедленно переводится российской элитой в плоскость неразрешимых цивилизационных противоречий, в «обиду на Запад», не способный понять Россию.

Таким образом, конфликтный сценарий, априорно задаваемый цивилизационной парадигмой, мешает России эффективно отстаивать свои национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика Запада о правах человека, демократии, свободе и т.д. Цивилизационные ответы в духе «умом Россию не понять» действительно все еще популярны во внутренней повестке дня, но оборачиваются провалом во внешней политике. Поскольку эффективное участие России (как и любой другой страны) в международных структурах предполагает отказ от исключительности, которая автоматически обуславливает политическую периферийность и маргинальность, в пользу всеобщности, готовности разговаривать со всеми субъектами реальной политики без сверхдержавных и цивилизационных комплексов. Необходимо предлагать не цивилизационные, а общечеловеческие сценарии и решения проблем, которые могли бы устроить все заинтересованные стороны¹. Например, российский способ решения ядерной проблемы Ирана является одним из подобных оптимальных сценариев.

В установочной статье «Мы и Запад» Ю. Лужков пишет: «Всякий разумный человек не может не признавать, что Россия — ведущая держава евроазиатского пространства... Россия объективно становится мостом между разными мировыми цивилизациями»². Но Россия — не Цивилизация. Не Евразия. Не Запад. Не Восток. Не Юг. Не Север. И уж конечно, не промежуточный мост между ними. Все эти географические метафоры лишь уводят от сути проблем, либо предлагают их архаические трактовки, игнорируя тот простой факт, что человечество в пределах капиталистической миросистемы представляет собой все более единое целое, а Россия, движимая логикой обид, собственной уникальности, комплексами величия или недооцененности, обречена находиться на ее периферии.

3. Политические дискурсы «периферийной империи»

В экономике стран, находящихся на периферии миросистемы, происходят те же процессы, что и в центральных, но с поправкой на периферийную специфику³. Если взять этот тезис в качестве исходного

¹ См.: *Мартыанов В.С.* Россия в меняющемся мире // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 7–22.

² *Лужков Ю.* Мы и Запад // Российская газета. 15 июня 2006 г.

³ См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. С. 261; см. также: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2005.

и расширить его на сферу политических дискурсов, то это позволяет по-иному взглянуть на историю отечественной политической мысли XIX–XX вв.

Однако затруднительно вывести специфику политических дискурсов России непосредственно из ее положения в миросистеме, особенно учитывая то, что в каждую конкретную эпоху это положение было различным. Здесь вряд ли было бы уместным редуционистское объяснение в духе «вульгарного марксизма».

Вопрос заключается в том, *каким образом* политические дискурсы определяются положением страны в миросистеме? Это вопрос того же порядка, что и вопрос о возникновении «буржуазной идеологии» (как условия «культурной гегемонии», в терминологии А. Грамши) из «буржуазного образа жизни». Ответы на такие вопросы возможны только после выявления рамок «нарратива культурной трансформации», подобного, например, нарративу культурной трансформации концепции Модерна, одной стороной которой является марксистский, а другой — веберовский анализ процессов секуляризации и рационализации становящихся буржуазными обществ¹. В конечном счете, и марксистский, и веберовский анализ апеллируют к определенным экзистенциальным и далеко не всегда полностью осознанным переживаниям индивидов и групп («крах святынь», «расколдовывание мира», «ледяная вода эгоистического расчета»). Эти переживания — следствие изменившегося мироощущения, которое дает толчок к рационализации и трансформации мировоззрения. Таким образом возникают идеологии эпохи Модерна.

Мы можем предположить, что нахождение на периферии миросистемы порождает у рефлексирующих над судьбами своей страны индивидов ощущение, что происходящие вокруг процессы каким-то таинственным образом определяются не внутренними потребностями общества, а какими-то иными силами извне. На индивидуальном уровне — это ощущение того, что ты «не хозяин собственной жизни», а на уровне страны: «мы не определяем собственную историю». Условно подобное переживание можно назвать переживанием «неполной субъектности». Из этой экзистенциальной ситуации вытекает и специфика отечественных политических дискурсов. Практически всегда им можно найти аналоги на Западе, но они отличаются от последних настолько же, насколько западные экономические и политические институты и практики отличаются от отечественных.

Переживание неполной субъектности не может полностью отражать реальную ситуацию «периферийной империи». Актов проявле-

¹ См.: *Thompson John B.* Ideology and modern culture. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 77.

ния государственной, индивидуальной, корпоративной воли, примеров огромного влияния на судьбы других народов в российской истории более чем достаточно. Это не позволяет считать Россию исключительно объектом. Но не получается и достижения полноценной субъектности, потому что какой-то таинственный рок постоянно мешает ей достичь той степени величия и реализации сил народа, к которой, как кажется, есть все предпосылки. Поэтому первый вопрос, порожденный ощущением неполной субъектности: почему так получается? Это вопрос о смысле истории вообще и конкретно о смысле русской истории.

В силу известных исторических обстоятельств, для получения ответа на такого рода вопросы привлекаются историософские, политические, экономические и прочие концепции, заимствованные у «полноценных субъектов» из стран центра миросистемы. Как выразился Ф. Гиренок о П. Чаадаеве, «неполный субъект» попадает в «самовозобновляемый круг сознания, которое никогда не совпадет с тобой. Кто-то всегда думает за тебя. А есть кто-то, за кого думаешь ты. Никто не думает сам. Везде другой»¹. Так как нет самосознания, то нет и субъекта, который мог бы породить «идею», образующую «смысл истории» конкретно для России. Но история-то на самом деле есть! И Россия явно в ней играет не самую последнюю роль. Следовательно, несмотря на кажущуюся «неисторичность» России (ранний Чаадаев), нечто могущественное движет русской историей к какой-то цели. И эта цель не может не быть великой, поскольку велик народ, пусть пока и неосознанно, но движущийся к ней. Следовательно, у России есть миссия (поздний Чаадаев).

Иными словами, это все то же признание в том, что Россия живет «не для себя», не является полноценным субъектом. Но это — позитивная интерпретация неполной субъектности.

Таким образом рождается специфическая для российских политических дискурсов тройственная проблематика: национально-культурной идентичности, «отсталости» и исторического субъекта.

Ключевая проблема всех российских аналогов западных идеологий — это проблема «отсталости». Поэтому любая версия русской истории должна ответить на вопрос о причинах отсталости. «Периферийность» России стала истоком главной антиномии русской политической мысли: «мы такие же, как все» / «мы не такие, как все». Эту антиномию нельзя решить теоретически в силу того, что повседневность противоречивого существования «периферийной империи» давала убедительные аргументы в пользу обеих точек зрения. Помимо всего прочего именно

¹ Гиренок Ф. Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. С. 27.

тогда, когда вопрос впервые был поставлен теоретически, русская общественная мысль находилась под влиянием Просвещения и немецкой классической философии, прежде всего гегельянства и шеллингианства с их историцизмом. Просвещение заставляло искать в истории некую «истину вещей», то есть задаваться вопросом об идентичности России в парадигме оппозиций «Восток–Запад», «просвещение–варварство» и т.д. Германский историцизм побуждал задумываться о смысле мировой истории и конкретно о месте в ней России.

В ракурсе такой проблематики интерпретация истории приобретает для России огромное значение. Именно в истории пытаются обнаружить причины отсталости, усматриваемые, например, в катастрофическом для Киевской Руси монголо-татарском нашествии. В ней же пытаются обнаружить субъект, управляющий русской историей или способный изменить ее русло. В качестве последнего, в зависимости от политических симпатий, выступают государство, критически мыслящая интеллигенция, народ, рабочий класс, законы исторического развития (начиная от различных теорий национально-культурных типов и заканчивая марксизмом), имперская нация, агенты всевозможных заговоров и т.д.

Такая ситуация породила западничество и славянофильство, которые к тому же в определенном смысле являлись реакцией на неудачную попытку декабристов вырвать Россию из миросистемы. То, что именно в России появляется вариант цивилизационной парадигмы в истории (Н. Данилевский) — также не случайно. Проблематика культурно-цивилизационной идентичности — естественное продолжение проблематики извечной «отсталости», осмысленной уже в ходе нарастающего скепсиса по поводу историцизма. Это стало очередной попыткой «оправдания» русской истории.

Народничество пыталось превратить «отсталость» в преимущество. Переход России к социализму более непосредственным путем, чем на Западе, тоже должен был «оправдать» русскую историю. Разорение общины самодержавием и капитализмом необходимо остановить как можно скорее, иначе можно не успеть реализовать свой шанс на социализм. Это была картина народа-объекта, чья жизнь до сих пор определялась извне — капитализмом, самодержавием, революционной интеллигенцией. Однако тут уже присутствует понимание, что требуется изменить весь мир, чтобы изменилась Россия (а социализм — это и есть справедливое изменение всего мира).

Другая попытка оправдания и объяснения «отсталости» России была предпринята социал-демократами, которые не случайно так яростно настаивали на том, что Россия — такая же страна, как и прочие, и что у нее нет особого пути. То, что сам Маркс далеко не так од-

нозначно высказывался о специфике России, ее крестьянской общине и коллективной собственности, по большому счету в мировоззрении российских марксистов ничего не изменило. (История с письмом Маркса Вере Засулич широко известна¹.) Однако большевистская версия марксизма исходила как раз из того, что необходимо изменить всю миросистему.

Диссиденты советского периода, как и их дореволюционные предшественники, начинали с изложения альтернативной версии истории, в чем им наследовали демократы, коммунисты и патриоты постперестроечного периода.

Следует отметить, что какова бы ни была интеллектуальная мода, на практике победу всегда одерживали модернизаторы, считающие, что по большому счету «мы такие же, как все, только отсталые». История династии Романовых, равно как история революции и СССР — это история таких побед. Этим победам способствовала сама включенность России в миросистему, из которой она почти никогда не могла вырваться, но могла изменить свое положение в ней. И в то же время всегда имело место влиятельное представление о том, что Россия в принципе может обойтись и без включенности в миросистему — в силу ее огромной и разнообразной территории, большого населения, природных богатств, истинной веры или идеологии, научно-технического потенциала и т.д. Квинтэссенцией такого представления было мнение о том, что Россия может создать свой «мир-экономику» (вариант — «империю-экономику»). И действительно, опыт СССР позволяет говорить, что это мнение не совсем безосновательно.

Показательно, что проблематика национально-культурной идентичности, «отсталости» и исторического субъекта с самого начала (то есть с возникновения западничества и славянофильства) создает интеллектуальное поле, в котором история и политические дискурсы России приобретают отчетливую склонность к мифологизации. В основании такой мифологизации находится проблематика факторов, управляющих историей общества, отмеченного печатью «неполной субъектности». На роль таких факторов с «идеалистической» точки зрения как нельзя больше подходят метанаррации вроде христианских, просвещенческих, марксистских, либеральных и т.д. Они управляют историей России, как и историей всего прочего мира.

Однако с «реалистической» точки зрения метанаррации только прикрывают действия врагов, конкурентов и соперников. Как прави-

¹ *Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 250–251; *Он же.* Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Там же. С. 400–421.

ло, этот враг действует через внутренних изменников, субъектов, способных услышать доносящийся извне голос метанарраций. Борьба с врагом — это прежде всего борьба с «внутренним голосом» (шизофреническая картина!), источник которого находится вовне. Это борьба против одного мифа посредством создания другого, путем приземления враждебного мифа уточняющими историческими фактами, путем переписывания истории вплоть до радикальных экспериментов в духе «новой хронологии».

Не случайно, что с точки зрения политического сознания элиты «периферийной империи» главное в публичной политике — это «национальная идея», «общие ценности» и приятная для массовых чувств символика. Большинство текущих проблем сводится к их поиску и разработке. Если не «Свобода, Равенство и Братство», то — «Православие, Самодержавие, Народность». Или «Держава, Родина, Коммунизм». Недовольные могут сетовать только на то, что в действительности никаких идей, общих ценностей и смыслов нет, а есть только прагматически используемая советская и имперская символика. Что уровень смыслов и целей полностью замещен уровнем политтехнологических средств¹. Но что такое потеря смысла и общих ценностей? Это возникшая сегодня ситуация не компенсированной никакой «идеей» неполной субъектности. Остается один голый факт «периферийности»: есть страна, торгующая сырьем и ввозящая технологии. К этому факту приходится прагматически приспособляться с помощью политических технологий. Имперская или советская символика здесь на своем месте: она играет психологически (но не «идейно»!) компенсирующую роль.

Точно так же, как периферийное положение нашей страны в целом определяло специфику политических дискурсов дореволюционной и советской России, оно же определяет и специфику констелляции современных отечественных политических дискурсов.

Достигнуть радикального изменения *своего* положения в миросистеме можно только осознав факт положения в этой миросистеме и попытавшись изменить *ее саму*. Поэтому все современные российские дискурсы в конечном счете различаются в зависимости от того, как они подходят к вопросу об изменении миросистемы.

Доминирующие российские политические дискурсы, аналогичные западным неолиберализму и неоконсерватизму, обходят вопрос о трансформации миросистемы. Политическим и экономическим элитам современной России, контролирующим нефте- и газопрово-

¹ См.: *Архангельский А.* Базовые ценности: инструкции по применению. СПб.: Амфора, 2006. С. 23–60.

ды, нет никакого смысла пытаться вырваться из привычного места в нынешней миросистеме, то есть развивать высокие технологии, вкладывать в науку, модернизировать инфраструктуру и т.д., к чему время от времени призывают экономисты вроде В. Иноземцева и М. Делягина. Для них наличное положение «нормально» и такова же используемая ими государственно-патриотическая и одновременно либеральная риторика¹.

Собственно говоря, «нормальность», которой должно обладать наше общество — это следствие традиционного положения России в международном разделении труда, которое в настоящий момент означает специализацию на поставках топлива и вооружений (и даже вновь начавшуюся торговлю зерном!). Сохранение такого положения невозможно без поддержания минимального порядка, без сохранения некоторых атрибутов сильного государства и великой державы. Это с точки зрения «центра миросистемы» только поощряется и вовсе не противоречит «здоровому смыслу» наших современных государственных и державников. Точно так же не противоречат «здоровому смыслу» и привычные дискурсы западничества и почвенничества, которые традиционно обходят вопрос о положении России в миросистеме, подменяя его риторикой национально-культурной идентичности, бесконечными обсуждениями темы «Восток–Запад» и т.д.

Не менее показательны, что *практически все типы политических дискурсов, оппонировавших официальному, так или иначе затрагивают вопрос о положении России в миросистеме и о путях выхода из нее.*

Так, книга о советской цивилизации С. Кара-Мурзы² — это попытка анализа социальных институтов и практик «периферийной империи», решившей вырваться из миросистемы и достигшей внушительных успехов в этом предприятии.

Случай А. Паршева³ еще более очевиден: он рассматривает как раз те объективные географические и климатические факторы, благодаря которым России так легко и «естественно» было стать периферийной страной и специализироваться на поставке сырья, а не на производстве товаров. Паршев же объясняет, почему мировые финансовые потоки текут вовсе не в нашу страну, а из нее — в центр миросистемы. Столь же логичен и тот вариант выхода из миросистемы, который предлагает Паршев — частичная автаркия, развитие наукоемких технологий, пост-

¹ См., например: Колесников А., Привалов А. Новая русская идеология: хроника политических мифов. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

² См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001.

³ См.: Паршев А.П. Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. М.: «Крымский мост-9Д», 2000; Паршев А.П. Почему Америка наступает. М.: АСТ, Астрель, 2002.

роение собственного «мира-экономики», в которую с необходимостью войдут бывшие страны СЭВ и СССР.

Работы М. Калашникова, Ю. Крупнова¹, С. Валянского и Д. Калюжного², Ю. Мухина³ — это проекты все того же выхода из миросистемы, основанного на радикальной, опережающей технологической и научной модернизации, которая позволит освободиться от проклятия традиционной сырьевой ориентации России.

Ряд политических проектов, обнаруживаемых в современной отечественной фантастике (обладая массовой аудиторией, она является «зеркалом» и художественным оформителем популярных идеологем и политических дискурсов), имеет сходную природу. Как только идеологическо-реваншистская тенденция в фантастике 1990-х начинает идти на убыль, появляются проекты радикального изменения миросистемы или, по крайней мере, проблема такого изменения начинает ставиться всерьез. Если исламские проекты Ю. Никитина («Ярость», «Империя зла») и В. Михайлова («Вариант И») — это призыв создать не более чем параллельную миросистему исламских государств с центральной ролью России, то уже у Р. Злотникова («Виват империя!», «Армагеддон») и А. Плеханова («Сверхдержава») мы находим картину преобразования прежней миросистемы в новую, где Россия занимает не периферийное, а центральное место благодаря не только военной мощи, но и доминированию в сфере науки и высоких технологий.

«Периферийность» России конвертируется в специфику политических дискурсов российского Постмодерна таким образом, что прагматическое стремление элит обустроиться в привычной сырьевой нише капиталистической миросистемы маскируется привычной риторикой западничества и почвенничества, затемняющей проблематику миросистемы. И столь же закономерно, что всякая попытка идеологического противостояния доминирующим политическим дискурсам связана с демифологизирующими усилиями в отношении тупиковой западническо-почвеннической риторики, с осмыслением места России в миросистеме и поиском путей ее трансформации.

¹ См.: *Калашников М.* Вперед, в СССР-2. М.: АСТ, 2003; *Калашников М., Крупнов Ю.* Гнев орка. М.: АСТ, 2003; *Они же.* Оседлай молнию. М.: АСТ, 2003; *Крупнов Ю.* Статья мировой державой. М.: Эксмо, 2003.

² См.: *Валянский С.И., Калюжный Д.В.* Третий путь цивилизации, или Спасет ли Россия мир? М.: Алгоритм, 2002.

³ См.: *Мухин Ю.И.* За державу обидно! М.: Яуза, 2004; *Он же.* Россия. Еще не вечер. М.: Яуза, Эксмо, 2003.

4. Национальная идентичность и русская идея

В России уже давно, со времен В. Соловьева, с его известным теологическим определением: «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»¹, — поднимается вопрос о «русской идее», хотя до сих пор никто точно не знает, что это такое. Впрочем, если большинство пишущих и говорящих о русской идее и не могут ее четко сформулировать, то они все-таки достаточно ясно представляют, какой она должна быть. Они знают, чего от нее хотят, какие функции она должна выполнять. В целом эти функции таковы: русская идея должна придавать смысл существования русскому народу и государству, она является ключевым моментом русского самосознания. Иначе говоря, русская идея — это одновременно идея национальной идентичности и идея исторической миссии русского народа. Из такого понимания вытекает и мысль о том, что правильно сформулированная русская идея должна лечь в основание новой российской национальной идеологии, если такая когда-нибудь будет создана.

Не всегда проговариваемая, но всегда присутствующая предпосылка рассуждений о русской идее такова: у всех или хотя бы у большинства исторически и культурно значимых народов есть своя национальная идея и основанная на ней общенациональная идеология. Следовательно, должна быть таковая и у нас. Она и есть у нас, только мы сейчас не можем ее сформулировать адекватно требованиям времени. Но стоит только приложить достаточные усилия по самоидентификации, заставить работать наше национальное самосознание на полную мощь, адекватная эпохе формулировка русской идеи будет выработана.

Проблема заключается как раз в двойственности облика русской идеи, какой она сейчас представляется, то есть в том, что она есть одновременно идея идентичности и идея миссии. И нам непременно хочется не просто, чтобы эта двойственность в ней осталась, а чтобы наша предполагаемая историческая миссия вытекала из нашей же национальной и культурной идентичности.

Однако насколько совместимы идея идентичности и мессианская идея? Всякая ли мессианская идея вытекает из национальной идентичности?

Обычно в качестве примеров «успешных» национальных идей приводят две: американскую и французскую. Но каковы эти идеи?

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Соч. В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 219–220.

Американская идея — это идея «равных возможностей» и личной свободы, а также демократического правления. Все три эти компонента «американского образа жизни» считаются наиболее отвечающими человеческой природе, из чего делается вывод, что за ними будущее.

Французская идея может быть охарактеризована как знаменитый «проект Просвещения», который французы первыми сформулировали и начали разносторонне разрабатывать и воплощать в жизнь.

Не трудно заметить, что в обоих примерах национальной идеи принцип мессианизма явно преобладает над принципом идентичности. И американская и французская идеи в своем наиболее ярком воплощении вовсе не национальные. Именно поэтому они и придают (или некогда придавали) смысл историческому существованию обеих наций. Эти нации просто когда-то приняли на себя глобальную миссию распространения и внедрения универсальных идей свободы, равенства, братства, демократии, прав человека и т.д., и т.п. Французы выполняли данную миссию до тех пор, пока у них хватало военных и культурных возможностей, американцы пытаются делать это и сейчас.

В чем разница между французами и американцами? В том, что у первых национальная идея не может быть понята только как идея мессианская, то есть интернациональная. Кроме мессианской, у французов можно выделить и собственно идентификационную национальную идею. А чисто «идентификационная» национальная идея может быть у многих народов, если не у всех. Тогда она описывается как совокупность устойчивых черт национального характера, культурных традиций, вкусов и т.д., что мы можем без труда найти у французов или немцев, или русских.

Но есть по крайней мере два уникальных примера того, как национальная идентичность прямо вытекает из мессианской идеи.

Первый пример — библейские евреи. До Моисея они живут себе в Египте и практически не ощущают себя особым народом, у них нет национальной идентичности, их национальное самосознание, как сказали бы сейчас, не развито. Конечно, существуют какие-то предания о праотце Аврааме, но для того, чтобы сделать евреев особым народом, их явно недостаточно. И каких трудов стоило Моисею заставить евреев почувствовать себя народом! Этой задачи он просто не мог выполнить без явной помощи Бога, без чудес. Но главное, потребовалось внушить массе евреев, что они — избранный народ, что у них уникальное предназначение и что, если они это предназначение не выполнят, смысл истории утратится, и Бог их жестоко накажет. Иными словами, евреи осознали себя как народ, только приняв (не без сопротивления) некую миссию.

Другой пример более современный. Это — американцы, протестантские предки которых также ощущали себя избранным народом и поэтому широко пользовались ветхозаветной символикой. Вначале в основе американской идентичности лежала утопия воплощения царства Божия на новой земле, которую Господь дал своим верным приверженцам, бежавшим из погрязшего в грехах Старого Света. Затем эта утопия трансформировалась в утопию грандиозного социального эксперимента по созданию принципиально нового демократического стиля жизни, невиданного прежде типа государства и, что еще более принципиально, нового народа из представителей многих старых (знаменитая идея «плавильного тигля»). Когда американский народ только формировался, снобы из Старого Света брезгливо морщили нос (такая точка зрения нередко высказывается и сейчас), утверждая, что Америка в культурном отношении представляет собой пустыню. Однако именно эта «культурная пустыня» и обусловила уникальность американцев как нации: у них идентичность прямо выросла из миссии. И поэтому сейчас смешно требовать от американцев отказаться от попыток навязать всему миру свои культурные (ибо со временем появились и таковые), политические и идеологические стандарты. Это для них вопрос идентичности и отказаться от такого поведения они могут, лишь перестав быть самими собой.

Все это, однако, не говорит о том, что с течением времени нации, чья идентичность выросла из миссии, не могут утратить этого живого ощущения миссии, оставшись только при своей идентичности. Можно допустить, что миссия утратится или будет выполнена, а идентичность останется как побочный продукт некогда великого предназначения.

Но даже если идентичность нации и не вытекает полностью из миссии, попытка исполнять какую-либо миссию нередко сказывается на национальной идентичности. Примером такой нации, вероятно, являются французы, чья миссия долгие годы была культурной: французские нравы, искусство, политические идеи и т.д. не один век служили образцом для всей Европы, а отчасти и для всего мира. Испанцы также когда-то возлагали на себя великую миссию утверждения чистоты христианства во всем мире: их колонизация Америки проходила под этим знаком, как и их активная европейская политика. Вероятно, каждая из великих наций Европы когда-нибудь брала на себя исполнение великой миссии, за исключением, пожалуй, немцев, которые всегда желали, по преимуществу, жить для себя. Но и немцы времен Гитлера совершили подобную попытку..

Но относятся ли к числу таких наций русские? Мы не можем сказать о себе, что своей идентичностью *всцело* обязаны какой-то сверхнациональной идее. Конечно, нередко говорится, что именно право-

славие как ветвь христианства сформировало русских. Но православие легло не на чистый лист бумаги; часто признается, что в основе его специфики — языческое наследие более древних времен. С другой стороны, если в дореволюционной России поднимался вопрос об исторической миссии русского народа и государства, то он, как правило, осмысливался религиозно. Известные примеры: концепция «Третьего Рима» и вытекающий из нее взгляд на «удерживающую» роль России в истории человечества, которая заключалась в отсрочке, насколько это возможно, пришествия Антихриста. Такое понимание миссии России имело своим практическим выражением политику Александра I и Николая I. Не имевшие официального статуса взгляды К. Леонтьева в данном пункте также сводятся к оценке миссии России как «сдерживающей».

В секуляризованных вариантах осмысления той же проблематики России приписывалась более скромная, но тоже глобальная миссия: начиная от объединения всех славян и заканчивая формированием на этой основе нового историко-культурного типа, которому пророчилось блестящее будущее (Н. Данилевский)¹.

По-настоящему грандиозная идея находилась в основании Советского государства и советского народа как новой социально-исторической общности. Советский Союз взял на себя миссию освобождения всего человечества от угнетения и эксплуатации и активно помогал всем народам, которые желали встать на тот же путь. Для прочих народов он хотел выглядеть примером хотя бы попытки достижения коммунистического идеала и, главное, примером сообщества, нашедшего в себе мужество и сознательность для совершения такого предприятия. В данном отношении советский социальный эксперимент перекликался с американским опытом создания новой, невиданной национальной идентичности на основе мессианской идеи. И так же с течением времени обнаружилось, что эта попытка не привела к полному успеху: как начал остывать американский «плавильный тигель», так и советская идентичность уступила место новым многочисленным попыткам найти идентичность национальную на постсоветском пространстве.

И этот поиск идентичности у нас, как правило, отождествляется с поиском новой формулировки русской идеи. Характерным примером такого неосмотрительного смешения является книга И. Чубайса «Разгаданная Россия»².

¹ См.: *Данилевский Н.* Славянский культурно-исторический тип (вместо заключения) // Данилевский Н. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

² См.: *Чубайс И.* Разгаданная Россия. М.: АиФ Принт, Столица-Принт, 2005.

И. Чубайс исходит из того, что русская идея существовала до революции, но исчезла, так как преемственность между дореволюционной Россией и Россией советской была прервана. Он аргументирует это ссылками как на высказывания основателей Советского государства, так и на практику большевиков, которая заключалась в сознательном разрушении старых социальных институтов (и дискредитации старого образца русской идеи) и строительстве принципиально новых. При этом он признает, что дореволюционный вариант русской идеи (православие, соби́рание земель и общинный коллективизм) ко времени Первой мировой войны изжил себя и испытывал кризис. Большевики, согласно И. Чубайсу, преодолели этот кризис дорогой ценой, сформулировав коммунистическую идею *вместо* русской.

С этой теорией разрыва трудно согласиться. На уровне социальных практик и культуuroобразующих дискурсов разрыв вовсе не был таким радикальным, каким представляет его И. Чубайс. Напротив, как убедительно показал О. Хархордин в своей работе «Обличать и лицемерить»¹, практики, направленные на формирование сознательной личности, были результатом *реформирования именно православной этики*, а в более широком понимании — дискурса правды. А правда — это одна из основополагающих ценностей русской идеи, как отмечает и сам Чубайс. В данном смысле разрыва как раз не было, а был скорее выход на первые роли одного из компонентов русской идеи, в то время как все прочие оказались неспособными предложить выход из кризиса. В той или иной форме это признавали такие русские мыслители, как Н. Бердяев и И. Ильин. Поэтому они не оценивали происшедшее как полный разрыв преемственности. Кроме того, *они понимали, что каков бы ни был новый вариант русской идеи, он должен включать в себя как проект социальной трансформации, так и представление о новой миссии для русского народа*. Собственно, кризис русской идеи и заключался в том, что ее прежний вариант такого проекта и такой миссии уже не содержал. Необходимость социальной трансформации осознавалась почти всеми, но сам процесс этот шел отчасти спонтанно, либо за основу некритически брались образцы социальной трансформации в других странах. Ситуация была во многом похожа на ту, которую мы имеем сейчас.

Свой вариант социальной трансформации предлагало народничество, исходившее во многом из присущего русскому национальному сознанию дискурса правды. Но дискурс правды не мог заменить русскую идею целиком, часть не могла стать целым. Русская обществен-

¹ См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб; Москва: ЕУСПб, Летний Сад, 2002.

ная мысль (без всякой иронии) не случайно выстрадала не только народничество, но и марксизм. Народничество, будучи самой влиятельной версией секуляризованного дискурса правды, являлось также и слишком имманентистским умонастроением. Трансцендирующий элемент социалистической утопии не мог преодолеть в нем укорененности в культурной традиции. Народники слишком сильно верили в народ и в то, что правда этому народу уже и так ведома. Поэтому народнический дискурс правды разворачивался как бы под знаком вечности и неизменности и имел чрезвычайно важное моральное значение, выполняя функцию обретения человеком личностного самознания. Но в условиях кризиса русской идеи сам по себе дискурс правды не был способен обосновать назревшую необходимость социальной трансформации и придать ей какое-то определенное направление. Для этого он должен был быть дополнен каким-то аналогом православной мессианской идеи «удерживания». Очень характерно, что И. Чубайс явно не акцентирует внимания на этом аспекте православия. И понятно почему: ведь идея «удерживания» — мессианская, миротворительная идея, выходящая за рамки сугубо национальной идентичности, которая, по Чубайсу, составляет суть всякой национальной идеи¹. Таким дополнением и стал русский марксизм, на стыке которого с народническим дискурсом и идеей коллективизма позднее сформировался советский проект. Тем более что идея коллективизма была изначально близка как народничеству, так и марксизму и старому варианту русской идеи.

Иначе говоря, если современная Россия не может похвастаться наличием полноценной русской идеи, то в советском проекте она все-таки была. И была она именно потому, что не сводилась только к идее национальной идентичности. Как и ее дореволюционный аналог, она была также идеей мессианской.

Само по себе представление о национальной идентичности не может быть положено в основу полноценной «русской» или чьей-либо другой идеи. И сейчас, как и раньше, для этого нужен второй, мессианский компонент, суть которого не обязательно должна быть религиозной или революционной, или иной, вызывающей страх перед нетерпимостью и фанатизмом. Но в любом случае мессианская идея подразумевает принесение блага не только своей нации, но и всему человечеству. Она может быть выражена, например, в форме глобального технического проекта, который радикально преобразует привычный образ жизни и откроет человечеству новые перспективы. Или в форме социального проекта, подразумевающе-

¹ См.: Чубайс И. Разгаданная Россия. С. 15–16.

го, скажем, создание жизнеспособных социальных структур на сетевой основе.

Абстрактные «историзм, духовность, обустройство и демократия»¹, равно как и «возрождение утраченных устойчивых высших социальных и духовных начал»² так же мало составляют суть национальной идеи, как некогда выродившиеся «самодержавие, православие, народность». Христос некогда сказал: кто хочет сохранить свою душу, тот ее потеряет, но тот, кто согласен потерять свою душу ради меня, ее сохранит. Точно так же и тот, кто чрезмерно заботится о сохранении национальной идентичности («народной души») и видит только в ней смысл русской идеи, не достигнет цели, которую преследует.

5. Апология здравого смысла: нормативный дискурс Кремля

Закономерно, что в условиях деполитизации, сжатия поля публичной политики и приостановки конкуренции элит для понимания того, что нас ждет в ближайшем будущем, все большее значение приобретают другие тенденции. Речь идет не о тенденциях, наблюдаемых в области институтов, выборов, конфликтов групп интересов, но о трансформациях, связанных со сферой политических идей. Ключевым политическим документом, представляющим реальную интеллектуальную стратегию властного центра, является ежегодное послание Президента России.

Послание создает социальную реальность, конструирует важнейшие различия, цели и идеалы, устанавливает идентичности, которые непосредственно влияют на жизнь всех граждан российского общества. Риторическое пространство посланий представляет собой «лоскутное одеяло», ряд почти не связанных между собой проблемных тем и задач. Президент лишь расставляет контекстуальные смысловые акценты в наиболее актуальных и приоритетных областях российской политики и общества, обозначая, какие цели, ценности и приоритеты предлагаются стране на ближайшие годы. При этом послания скорее следуют тематике сложившейся информационной повестки дня, нежели претендуют на ее формирование. Тем не менее некоторые проблемные темы являются своего рода сквозными кодами, поэтому представляется возможным отследить их смысловую трансформацию в материалах посланий Президента России.

¹ Там же. С. 384.

² Там же. С. 386.

Сверхидея

А.Ф. Лосев писал, что любой нарратив, миф, история, публичная речь как некая история развертывается из Имени или совокупности имен. При этом любой миф в своей сердцевине «есть развернутое магическое имя», ставшее историей¹. По сути, набор имен в каждом послании Президента имеет сверхидею или месседж, остающийся в сухом историческом остатке. На наш субъективный взгляд с точки зрения «остаточной семантической значимости» сверхидеи посланий таковы:

- 2000: Диктатура Закона.
- 2001: Я против передела собственности.
- 2002: Создавать мировые образцы.
- 2003: Удвоение ВВП за 10 лет.
- 2004: Базис демократии построен.
- 2005: Свобода и Справедливость.
- 2006: Рожать и вооружаться.
- 2007: Мегапроекты — приоритетно всё.
- 2008: 5 «И» — интеллект, институты, инвестиции, инфраструктура, инновации.
- 2009: Косметическая модернизация и микрореформы.

В редуцированном виде смысловая динамика сверхидеи посланий представляется следующей: «Добившись соблюдения российской властью собственных законов и сохраняя статус-кво распределения собственности, мы придем к стабильности, которая позволит создавать продукцию мирового уровня, что, в свою очередь, будет стимулировать экономическое развитие страны, которое в качестве побочного, но совершенно неизбежного следствия приведет к торжеству демократии, свободы и справедливости».

Код идеологии

Код идеологии фактически представляет собой язык описания политики, набор универсальных взаимосвязанных ценностей, идей, императивов, используемых Президентом для обозначения своих принципиальных политических позиций. Обычно в тексте послания для обозначения идеологической позиции используются утверждения аксиоматического плана, не нуждающиеся в доказательстве. Любая

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 595.

модерновая идеология является ничем иным как системой взаимосвязанных ценностей. Затруднение Президента при обозначении официальной, государственной идеологии, то есть анонсированных «общих ценностей», которые как бы и «есть», но которых как бы и «нет», знаменательно. Оно указывает, что современная власть не опирается на классические идеологии Модерна, и это является не пороком, но констатацией социального факта. Иными словами, в условиях постмодерна самоочевидное целиком контекстуально и подвижно, сущность зависит от функции, а денотат от коннотации. Динамика трансформации «общих ценностей» в постмодернистском ключе такова, что заставляет задуматься о самой возможности их наличия в современном российском обществе в виде устойчивых и универсальных первоначал. Отсутствие общих ценностей, тех аксиом и принципов, которые не позволяют прерывать общественную самореференцию, чревато постановкой существующих оснований под вопрос, иными словами — революцией.

С другой стороны, искать классические идеологии, отражающие былую реальность трансформирующегося Модерна, возможно, бессмысленно. Это задача позавчерашнего дня, поскольку чистые классические идеологии и утопии (либерализм, консерватизм, социализм, национализм) перестают работать в массово-потребительском обществе, отказавшемся от классовых самоопределений.

Послания — это в первую очередь не идеологическая схоластика, но «апология здравого смысла». Отсутствие в них какой-либо идеологии — либеральной, консервативной, левой или патриотической — лишает идеологическую оппозицию серьезных «зацепок» для принципиальной критики и идеологических дебатов. Дело в том, что из-за сознательной деидеологизации посланий, сформулированных на уровне «здравого смысла», с тем, что в них проговаривается, — преодоление демографического коллапса, отстаивание национальных интересов, борьба с коррупцией, лидерство в мировой энергетике, инновационная экономика и т.д., — трудно не согласиться. Пожалуй, за исключением ежегодной и не дающей реального эффекта критики бюрократии, сложно найти приоритеты, которые могли бы стать полноценной мишенью для недовольства различных политических лагерей. Поэтому послания напоминают план-инструкцию, предельно приземленное «руководство к действию» для вертикали власти всех уровней.

Здравый смысл предстает как ситуативный прагматизм, лишенный идеологичности. Здравый смысл послания объединяет все политические лагеря на уровне своей самоочевидности. Поскольку политические баталии начинаются только там, где есть разногласия в цен-

ностных суждениях, Президент России не призывает ни к мировому торжеству демократии (в отличие, например, от Буша), ни к свободе, ни к справедливости. С другой стороны, нетрудно заметить, что обратной стороной стабильности и повторяемости проблем, кочующих из одного послания в другое, является их не менее стабильная нерешаемость.

Тем не менее из года в год беспроблемная риторика «здорового смысла» совершенствуется. Так, из текстов посланий максимально исключается пафосная и идеологическая политическая риторика. Отсюда «смелая» финансовая и временная оцифровка президентских инициатив по программам «доступного жилья», росту пенсий, пособий на детей и т.п. Здесь Президент отказывается от роли идеологического субъекта. Напротив, как эффективный популист он выступает в качестве зеркала, которое лишь отражает массовые ожидания, актуальный запрос общества на определенные идейные высказывания. Таким образом, Президент скорее не определяет, но пассивно следует актуальной повестке дня. Кстати, именно поэтому все значительные проекты Кремля негативны и реактивны по принципу «анти»: антифашизм, антиолигархизм, антиоранжевая антиреволюция, антитерроризм, антиамериканизм и т.д.

2002 г. *«Подчеркну, что российская внешняя политика и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично исходя из наших возможностей и национальных интересов...»*

2003 г. *«Я убежден: без консолидации хотя бы вокруг базовых общенациональных ценностей и задач противостоять этим угрозам будет невозможно».*

2005 г. *«...Только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты; ...соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено никем иным, как государством».*

Вместо понятий идеологического ряда в посланиях, как правило, используются эвфемизмы идеологических терминов — развитие, комфорт, прагматизм, безопасность, стабильность, консолидация, цивилизованность. Вопреки заверениям Президента о реформах эти понятия определенно указывают на консервацию политического статус-кво и удовлетворенность.

Сведение политики к администрированию и управлению приводит в семантическом поле к тому, что доминировать в идейном пространстве посланий начинают ситуативный популизм и тактический прагматизм, лишенные жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность идеологически нейтральных терминов во властной ри-

торике — оптимизация, эффективность, развитие, модернизация, совершенствование и т.д. Наиболее часто идеологическая риторика употребляется в год выборов, когда Президент должен обновить и предъявить обществу новые политические символы. И все же частота употреблений классических идеологических терминов в тексте посланий гораздо ниже, чем идеологических эвфемизмов.

Таблица 3

**Частота использования идеологических терминов
в посланиях Президента России**

Год	Свобода	Справедливость
2000	24	2
2001	8	6
2002	7	0
2003	7	0
2004	8	1
2005	31	17
2006	2	1
2007	4	1
2008	29	12
2009	10	3

Таблица 4

**Частота использования идеологических эвфемизмов
в посланиях Президента России**

Год	Развитие	Эффективность	Стабильность
2000	27	14	3
2001	16	19	8
2002	17	16	8
2003	23	10	5
2004	33	12	8
2005	31	10	5
2006	33	15	5
2007	40	18	6
2008	32	16	9
2009	41	21	9

Вместе с тем послание 2005 г. свидетельствует о запросе на реидеологизацию политики. В нем идеологическая риторика (лишь *однажды*) по частоте употребления превосходит технологическую терминологию

бизнес-управления. Характерно, что классические идеологические антагонисты, такие как справедливость и свобода, часто употребляются в послании с использованием союза «и», выступая как синонимы. Второй подъем интереса к необходимости формулирования внятной идеологической позиции в условиях структурного кризиса, связанного в том числе с предшествующим направлением развития, проявлен в послании Д. Медведева в 2008 г. (Предшествующее ему предкризисное послание 2007 г. стало лидером именно по риторике «развития»). Однако в 2009 г. произошел новый возврат к риторике развития, совмещенный с отказом от формулирования какой-либо последовательной идеологической позиции.

Впервые серьезный интерес к фундаментальной политической проблематике общественной справедливости выражен в послании Президента в 2005 г. В послании-2005 г. предпринимаются первые попытки отразить социальные трансформации общества в новейшей российской истории. Это отвечает общему изменению интересов общества, которое начало сознавать явный раскол между выдвигаемыми различными социальными группами приоритетами государственной политики и образами желаемого социально-политического устройства страны. Выход общества из глубокого экономического кризиса, относительная стабильность и благополучие заставляют задуматься на фундаментальные, вечные политические темы о сути общественного устройства в России, о том, каким оно должно быть. Условная стабильность, связанная с благоприятной экономической конъюнктурой, но описываемая критиками президента как новый застой, создает условия для нравственной и критической рефлексии относительно современной российской политики. Собственно, искомый дискурс справедливости и призывает к подобной рефлексии. Интегральные основания справедливости советского общества дискредитированы, а легитимных в глазах большинства населения оснований постсоветского социально-политического устройства общества до сих пор не возникло.

Таким образом, основания постсоветского режима лишь «поверхностно легальны» и «стабильно нестабильны», так как испытываются на прочность любыми непопулярными социальными реформами. Тем не менее спонтанные варианты подходов и представлений, претендующих на роль «всеобщих» и «самоочевидных», начинают все активнее апробироваться элитой в политической риторике.

Справедливость, по мнению Президента, реализуется в свободном обществе законопослушных граждан. Причем непонятно, что является условием, а что следствием: законопослушность или свобода. Большинство классиков определяют в качестве условия свободы не зако-

но послушность, а право народа на восстание против несправедливых законов. Сомнительно, что в изменяющемся российском обществе законопослушность станет основанием интегральной концепции справедливости, которая удовлетворяла бы основные слои населения. Единственной вариацией на тему справедливости является ее определение в посланиях как равенство возможностей в противовес несправедливой «уравниловке». Во всех остальных случаях справедливость употребляется как слово, нагруженное позитивными коннотациями, без какого-либо уточнения содержания понятия. Контекст словоупотребления сводится к тому, что справедливость нужна везде и всем — и это само по себе хорошо. Но справедливость бывает разной, представляя собой лишь определенное соотношение благ, возможностей и историческую иерархию ценностей. Однако проблема наполнения концепта справедливости идейным содержанием и соответственно вся проблематика достижения социальной справедливости как раз остается за скобками посланий.

Понятие свободы в посланиях также упрощено до модного и актуального слова-эвфемизма с максимальной позитивной смысловой коннотацией. Свобода приобретает здесь статус базового и самоочевидного политического символа веры, употребляется наиболее интенсивно в сравнении с другими ценностями. Вместе с тем она не получает в посланиях категориальной ясности. Свобода интерпретируется как главная ценность и достижение властвующей элиты, из которой выводятся все остальные блага — демократия, выборы, гражданское общество, свобода предпринимательства и т.д.

В результате профанизации и технологизации ценностей Россия сегодня не тот регион, где вырабатываются универсальные ценности-правила, пригодные для глобального мира. Наоборот, как в конфликтной модели, производится противопоставление одних заведомо частных и особенных ценностей другим, которые приписываются чужим-иным акторам внутренней и международной политики. Моральная оценка уже заранее заложена в эти ценности, поэтому диалог с любыми инакомыслящими, представляющими альтернативные позиции и изображаемыми в качестве врагов-оппонентов, невозможен.

2007 г. *«Хотел бы отметить, что духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи — когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. ...Мы должны и будем опираться на базовые ценности»*

вые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю».

Отсутствие общественного договора, который так и не был предложен властными элитами обществу в постсоветский период, Президент подменяет ссылкой на извечные моральные ценности. То есть то, с чем никто и не собирался спорить внутри текущей российской политики. Но эти традиционные моральные ценности не могут напрямую быть основой общественного договора, поскольку важны не сами по себе, а то, **как** они концептуально реализуются в **данном** политическом сообществе, на основе принципов свободы, справедливости, прав и обязанностей граждан.

Ключевые позиции в современной политике формулируются в свете идейных концепций и условий совместного проживания не людей вообще, но граждан данного государства-нации, а вовсе не на основе «уважения к истории» и почитания христианских заповедей или заветов предков (исторические деятели тоже были разных взглядов). Что, кстати, так и не сделало современную Россию политически единой, несмотря на общность моральных ценностей, выработанных ее 1000-летней историей. О каких ценностях и концепциях идет речь, а их за означенный период было выработано много — в том числе принципиально антиномичных друг другу — Президент не раскрывает: «православие, самодержавие, народность», «построение социализма и бесклассового общества», «суверенная демократия», национализм и т.д. Считается, что общие ценности «есть» и самоочевидны для адресатов. Но это, по сути, равнозначно их отсутствию.

В конечном счете, собственно «политическое» в тексте посланий постоянно оказывается эрзацем либо правового, либо экономического пространств. Политика оказывается либо «диктатурой закона» и подпространством права, либо регулирующей надстройкой над экономикой, либо сводится к чему-то вроде корпоративного администрирования компанией ООО «Россия».

Код времени: прошлое-настоящее-будущее

Отношение политика ко времени определено сущностью «политического»: политик не консервирует настоящее (в нормах закона), как юрист, и не интерпретирует прошлое, как историк. Истинный политик создает то, чего еще нет — будущее. В текстах посланий присутствует очень много настоящего, но практически нет прошлого и образа будущего России.

Президент констатирует переходный характер российского общества, но избегает говорить определенно: от чего и к чему Россия пере-

ходит, в чем суть происходящих с ней «неоднозначных» трансформаций.

Будущее интерпретируется в текстах посланий лишь как длящееся до бесконечности настоящее, постепенно освобождаемое от присущих ему сегодня недостатков. Будущее — лишь немного улучшенное настоящее, одобренное прошлыми достижениями, тем, что накоплено европейской историей. Главная задача сводится к ремонту и ретушированию настоящего, которое продлится вечно, так как основано на всеобщих и финальных социально-политических ценностях. Но является ли всемирное торжество либеральной демократии действительным концом истории? Даже американский политолог Ф. Фукуяма, писавший в свое время о «конце истории», признает, что поспешил с выводами¹.

Послания консервативны: изменяться (реформироваться) России необходимо только в связи со сложившимися обстоятельствами, а не для достижения безусловных по отношению к обстоятельствам целей. Иными словами, в посланиях приветствуются только реактивные изменения, в то время как необходимость прогрессивных перемен, детерминированных целями, в посланиях просто отсутствует. Будущее не нужно властвующей российской элите, ее полностью устраивает настоящее. Соответственно, итоги реформ и приватизации пересмотру не подлежат, а стабильность приобретает статус главной политической ценности. Будущее в посланиях существует лишь ближайшее, описываемое через сиюминутные цели. Например, исполнение большинства поручений, которые Президент дает по ходу посланий Правительству РФ, рассчитано на ближайшие недели, месяцы, максимум на год. Послания Президента больше ориентированы на текущую информационную повестку, нежели на стратегическое планирование на 5–10 лет вперед.

С другой стороны, в посланиях свертывается и история. Например, весь советский период в посланиях вычеркнут путем символической отмены праздника Великой Октябрьской революции (7 ноября) и «десоветизации» Великой Отечественной войны. Советский период сводится к крушению СССР — «геополитическая катастрофа», а досоветский период вообще не упоминается. Очевидно, что любое государство, любой народ обретает единство благодаря осознанию главных событий своей истории. В период СССР общность советского народа конструировалась вокруг двух ключевых событий, имевших судьбоносное значение для российской нации: Великая Октябрьская

¹ См.: Фукуяма Ф. Жизнь после истории (WWW — документ, 11.11.2005) // URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-03-18/fukuya.htm.

революция и Великая Отечественная война. Сейчас Октябрьской революции отказано в качестве одного из главных объединяющих символов нации. Но отвергая что-то, необходимо предлагать нечто взамен. Этого не произошло. Оказалось, что история досоветского периода не содержит таких событий, которые могли бы восполнить символический вакуум, оставшийся после отвергнутой в качестве официального праздника Революции.

Вместе с тем ништа предлагаемых политических символов настоящего и будущего вынуждает искать опору в прошлом. В результате новой постсоветской российской элите не остается ничего иного, как сводить символическое объединение российской нации к одному-единственному событию в богатейшей российской истории — Великой Отечественной войне. Соответственно в последнее время можно четко проследить, что она начинает приобретать в историографии современной России такое же значение, как и рождение Христа в христианской хронологии. Интенсивность обращения к теме Великой Отечественной войны и частота ее упоминания возрастает до немислимых размеров. Все, что так или иначе связано с нею, приобретает черты сакральности. Ложность такой опоры на прошлое заключается в лицемерии его реанимации в качестве настоящего. Великая Отечественная война не развивается в сознании людей как грандиозное событие. Его тиражирование и круглогодичная эксплуатация лишь выхолащивает это событие, превращают в симулякр и профанизацию, в мертвую точку, которая не производит плодотворных изменений. Получается, что Великая Победа стягивает, свертывает всю историю России в одну точку, которая существует как бы сама по себе, вне контекста. Это легко объясняется: ведь сегодня неприемлем тот советский контекст, в котором произошло событие. Диагноз: кризис национальной идентичности. Смогут ли власть легитимировать себя как преемника всей российской истории, представить ее как континуум. Российская история остается фундаментально расколота — отсюда популярность криптоистории, альтернативной истории, исторических фэнтези. Стоит отметить, что только «отпустив» прошлое, можно действительно опереться на него, сделав материалом для лепки настоящего.

Таким образом, временной код закольцован в посланиях на «вечное настоящее». «Прекрасное далеко» описывается в посланиях только как дрящущее до бесконечности настоящее. Соответственно, политические и социальные утопии начинают черпаться не во времени, а в пространстве. Апелляция к параллельно существующему «цивилизованному миру» используется в качестве субститута собственного будущего, которое уже существует рядом, «здесь и сейчас» как «пост-современность». Однако российская элита не замахивается на прорыв

в постсовременность, она лишь хотела бы олицетворять спокойную и понятную для нее современность, обогащенную историческим «европейским опытом» и его «лучшими образцами», современность, которая расценивается как нечто безусловно положительное. При этом интерпретация современности в целом представлена в посланиях Президента весьма смутно и неуловимо. Президент самоустраняется от перманентной и глобальной борьбы альтернативных версий за образ «современности», являющийся одним из наиболее идеологизированных понятий в социальных науках.

Безусловно, Президент не против «перемен к лучшему» и даже допускает разнообразие видений этих перемен в обществе. Но при этом только Кремль и властные элиты «знают, как этого добиться», и считают себя обязанными убедить в этом «недопонимающее» по разным причинам своего блага остальное общество. Вместо демократии и общественного диалога возникает модель «просвещения», работающая в одну сторону. Сознательное противопоставление альтернатив и образов будущего России со стороны оппозиции квалифицирует ее почти как внутреннего врага, посягнувшего на объективные истины, на монополию в интерпретации социальных «универсалий», закрепленную за властной элитой.

Код цели

Код цели предполагает наличие в посланиях Президента системной политической телеологии, целей, которые необходимо достичь в первую очередь. Поэтому они обуславливают избранный политический курс в целом. Речь идет об «идеальном российском обществе», к которому страна приблизится в результате реализации целей, приоритетов и задач актуальной государственной политики. При этом через код цели дополнительно раскрывается образ желаемого будущего России.

2000 г. *«Их [людей] благополучие и достойная жизнь — главная задача власти. Любой!»*

России нужна экономическая система, которая конкурентоспособна, эффективна, социально справедлива, которая обеспечивает стабильное политическое развитие.

...Обеспечить защиту прав собственности... обеспечение равенства условий конкуренции... освобождение предпринимателей от административного гнета... снижение налогового бремени... Сегодня мы прежде всего ставим задачу наведения порядка в органах власти...»

2002 г. *«Наши цели неизменны: демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное — повышение уровня жизни нашего народа.»*

Убежден: развитие российской экономики возможно лишь при ориентации на жесткие требования мирового рынка, на завоевание в нем своих собственных новых ниш».

2003 г. *«За десятилетие мы должны как минимум удвоить валовой внутренний продукт страны. Удвоение ВВП — это системная и, конечно же, масштабная задача».*

2004 г. *«Наши цели абсолютно ясны. Это — высокий уровень жизни в стране, жизни — безопасной, свободной и комфортной. Это — зрелая демократия и развитое гражданское общество. Считаю, что создание в России свободного общества свободных людей — это самая главная наша задача».*

...Более того, при сохранении таких темпов мы смогли бы удвоить ВВП на душу населения не за десять лет, а уже к 2010 году. Члены Правительства тоже аплодируют, значит, они с этим согласны».

2005 г. *«Считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов бюджетников в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты бюджетников должны расти как минимум в полтора раза быстрее, чем цены на потребительские товары».*

Следующая по значимости крупная задача в сфере государственного строительства — это укрепление Федерации. При этом главный результат, которого мы добиваемся, — это построение эффективного государства в существующих границах».

2006 г. *«Современной России нужен беспрепятственный выход со всей своей продукцией на международные рынки. Для нас это — вопрос более рационального участия в международном разделении труда, вопрос получения полноценных выгод от интеграции в мировую экономику. Именно с этой целью мы продолжаем вести переговоры о присоединении к Всемирной торговой организации».*

Хочу, однако, подчеркнуть: средства, выделяемые на реализацию национальных проектов, составляют всего пять-семь процентов от объема государственного финансирования этих отраслей».

Первое, что бросается в глаза: любые реформы (под ними понимаются изменения, иницилируемые политической элитой) рассматриваются в тексте посланий как самоцель и самоценность. «Реформы» за постсоветский период превратились в российской политике в безусловное высшее благо — «*sumnum bonum*», а их отсутствие автоматически начинает ассоциироваться с застоем и имеет негативные смысловые коннотации. Стоит убрать слово «реформа» из постсоветского политического лексикона — и код цели станет проблемой. «Цель ничто, реформа всё» — таков релятивный код целеполагания в текстах посланий, маскирующий отсутствие безусловных целей и дефицит базовых смыслов в актуальной политической повестке дня.

Призыв и просто апелляция к трансцендентным утопическим горизонтам будущего и возможного в текстах посланий принципиально отсутствует. Президент призывает к «реалистичной социальной политике», суть которой в том, что «политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна». «Реализм» выражается в том, что текущая политика в текстах посланий максимально «приземляется» (профанизируется) и количественно «оцифровывается», отождествляется с администрированием и управлением. Цели и задачи, заявленные в посланиях, также предельно «земные»: комфорт, благополучие, достаток, благосостояние, рост доходов и т.п. При этом амбициозные и широко разрекламированные «национальные проекты» финансируются в объеме меньшем (5–7%), чем съедает индекс инфляции (13–20%) в соответствующих областях «проектирования». По сути это суммы в пределах статистической погрешности, которые не оказывают влияния на финальный результат. Такова реальная цена «спецпроектов» кремлевской элиты.

Основной целью государственной политики становится «оптимизация» сложившегося статус-кво, когда все наличные политические конфликты выводятся за пределы «политического» и трактуются как абстрактные «конфликты бюджетов», «народа и нерадивой бюрократии», «чиновника и предпринимателя», а не реальных социальных групп.

Содержание целей и задач посланий во многом определяется их адресатом, которым является политико-экономическая элита как единственный реальный политический субъект. Хотя «от населения многое зависит», его главная добродетель — это законопослушание, что характерно для подданнического, а не для гражданского типа участия в политике.

Из этого вытекает основная проблема целеполагания посланий: интересы крупного бизнеса и чиновничества — это еще не национальный интерес, который не сводится ни к частным интересам «административной ренты» номенклатуры, ни к сокращению издержек крупного производства за счет «снижения налогового бремени» и жизненных интересов «людей труда», наемных работников. Более того, агрегированный национальный интерес (93% россиян — наемные работники) обычно противоречит интересам крупного бизнеса (вывод спорных активов за границу, укрывательство доходов в оффшорах, «серые зарплаты», плоская шкала налогов и т.д.).

Таким образом, деполитизация национального интереса ведет к мелкотемью техническим и банально самоочевидным задач по принципу «мы за всё хорошее»: удвоить ВВП, наладить «конструктивные»

отношения элит различного уровня, снизить уровень преступности, смертности, наркомании, беспризорности, бедности и т.д., увеличив, соответственно, рождаемость, безопасность, здоровье, продолжительность жизни, уровень потребления, свободы и справедливости. Вместе с тем политическая элита спинным мозгом чувствует свою зыбкость и институциональную непрочность. Но программа развития России, отвечающая на вопрос «как это сделать», в посланиях отсутствует.

Идеалы посланий сводятся к нормам, которые черпаются в стандартах и образе жизни так называемых «развитых стран». Отсюда конкретность, приземленный прагматизм, имперская и охранительная риторика, играющая на руку лишь номенклатуре, но не обществу в целом. Это свидетельствует о том, что элите действительно особо нечего сказать народу в условиях ее глубокого удовлетворения статус-кво. Но такое самоуспокоение и бездействие — прагматизм на глиняных ногах. Статус-кво России в качестве сырьевого придатка глобальной экономики, возможно, и является ее нормальной ролью в глазах «цивилизованных стран», контролирующих эту экономику, но он не может оставаться таковым для России. А изменить это статус-кво может только дискурс перемен, предполагающий преодоление господствующего статус-кво.

*Опора на моральные авторитеты:
особенности национального цитирования*

Важным подтверждением наличия острого дефицита легитимности является характер селекции авторов, которые должны играть роль моральных авторитетов и ориентиров для всей нации, репрезентировать ее культурный и интеллектуальный капитал, наивысшие достижения, имеющие безусловную мировую значимость.

2008 г. *«И хотел бы привести слова Петра Столыпина...»*

«И как справедливо заметил еще дореволюционный специалист по государственному праву Николай Коркунов...»

«...утверждал известный русский правовед Борис Чичерин...»

«...нельзя забывать слова известного экономиста Василия Леонтьева...»

Выбор цитат в посланиях указывает на то, что постсоветская политическая элита в силу очевидных причин испытывает острый дефицит в современных ей отечественных моральных авторитетах. С одной стороны, мэтры советского обществознания, зачинщики перестройки, как и антикоммунисты, диссиденты и младолибералы горбачевско-ельцинского периода идейно обанкротились. С другой — советских авторитетов элита «капиталистических плохишей» стесняется

или боится цитировать в силу их все возрастающей актуальности по мере «капитализации» общественных отношений в России.

Анализ ссылок на легитимирующие авторитеты позволяет сделать ряд выводов. Современные российские обществоведы (они же в массе своей «бывшие советские») из-за отсутствия у них символического капитала внутри и вне страны не цитируются властью в принципе. Цитирование в целом носит бессистемный и ситуативный характер. В качестве духовных лидеров в посланиях Путина—Медведева упоминаются люди из разных исторических эпох и политических лагерей. В основном набор ссылок и цитат ограничен деятелями второй половины XIX — начала XX в. как чуть ли не «золотого века» России: П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, И.А. Ильин и другие. При этом полностью игнорируется весь советский период, из которого вышло нынешнее российское общество и его элиты.

На период существования СССР и «провальные» 1990-е гг. в текстах и речах российских политиков XXI в. наложено стыдливое и молчаливое табу. Это само по себе может рассматриваться как признак духовного нездоровья правящей элиты, не доверяющей собственным интеллектуалам и обществоведам в области диагностики и прогностики современного российского общества и в то же время утверждающей об «аутентичности» России, ее «менталитете», «самобытной истории», «невоспроизводимой идентичности», требующих особых подходов.

В связи с актуальным кризисом неолиберальных рецептов российским элитам не остается ничего иного, кроме как все чаще подчеркивать, что при всей глобальности таких политических ценностей, как капитализм, демократия, справедливость, права человека и т.д., каждая страна может реализовать их эффективно в институциональном плане только по национальным рецептам. И эти рецепты должны быть выработаны в самой стране, а не где-то вовне. Отсюда возникает естественный соблазн великодержавной и националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью новой апологии «своего пути» России. С другой стороны, странно, почему для обоснования подобной позиции выбираются либо эмигранты, либо зарубежные интеллектуалы, которые наблюдали и наблюдают Россию как раз издалека и «извне», не будучи включенными в реальные политические процессы.

Заместитель главы Администрации Президента России Владислав Сурков обоснованно замечает: «Отметим с сожалением... что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий — “постиндустриальное общество”, “конец истории”, “плоский мир”,

“цивилизация третьей волны” и проч. — нет ни одного российского происхождения»¹.

В результате возникает вакуум российской истории. Постсоветский период «до Путина» дискредитирован в общественном мнении. Советский период стянулся до одного легального события — Великой Отечественной войны. Досоветская история практически утратила связь с современностью, несмотря на попытки введения новых праздников, например, путем сомнительной замены Великой Октябрьской революции (7 ноября) на «День Сусанина» (4 ноября).

Символически объединить советский, до- и постсоветские периоды в единую версию российской истории у правящей элиты не получается. Соответственно авторитеты, привлекаемые и упоминаемые для легитимации политической современности России, зачастую периферийны и маргинальны (интеллектуальные эмигранты — В. Леонтьев, Н.А. Бердяев), либо «раскручены» противниками СССР периода «холодной войны» (А. Солженицын, И. Бродский), либо являются «западными экспертами», продвигающими западные же ценности в качестве универсальных — Ф. Фукуяма, Д. Белл, Э. Качинс, М. Фридман и другие.

За рамками политических текстов остается основной пласт реальных деятелей российской истории (Дмитрий Донской, Иван III, Александр II), ученых (М. Ломоносов, Н. Пирогов, Д. Менделеев, И. Мечников, Н. Кондратьев, А. Чайнов, И. Павлов, М. Лобачевский и другие), конструкторов (А. Попов, В. Звoryкин, М. Калашников, А. Сахаров, С. Королев и другие), писателей (только из советского периода — М. Горький, М. Шолохов, В. Астафьев, В. Распутин и другие), обладающих реальным легитимирующим потенциалом, но идеологически избегаемых «ограниченным» политическим истеблишментом.

Тем не менее отсутствие легитимной для всего российского общества версии истории и иерархии авторитетов, как в период СССР, не означает, что проблема социальной интеграции расколотого общества и обеспечения «общего блага» не волнует постсоветскую элиту. Хотя бы потому, что это прямо связано с легитимностью правящих элит, крупной собственности и стабильностью политического режима в целом. Основная проблема видится в том, что неустойчивый, но тем не менее работающий дискурс «нормального общества потребления», базирующийся на обманчиво самоочевидных аксиомах здравого смысла и как бы не нуждающийся в отсылках к трансцендентному, то есть к истории, морали, идеологии, стал предметом социального

¹ Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. № 7. С. 17.

консенсуса, его глубинной основой. Споры ведутся лишь о справедливости уровней потребления внутри общества. Кому и сколько позволено потреблять. Однако легитимность подобного положения дел, не опирающегося ни на интегрирующую российское общество версию истории, ни на идеологические построения, ни на проекты и образы будущего, ни на преемственность символов и авторитетов, но лишь на «вечное настоящее» — весьма шатка.

«Универсальный рецепт» Президента

С позиций контент-анализа универсальный алгоритм действий Кремля сводится к тому, чтобы:

гармонизировать,
 оптимизировать,
 модернизировать,
 адаптировать,
 упростить,
 вывести на самокупаемость,
 стабилизировать и «нормализовать»,
 сократить ненужные (избыточные) функции,
 сделать «прозрачным» и эффективным,
 мобильным и компактным,
 конкурентоспособным и гибким.

Таков всеобщий алгоритм любых реформ, предлагаемый в текстах посланий для всех институтов российского общества — армии, здравоохранения, сферы ЖКХ, науки, образования, экономики, госаппарата и т.д. Нетрудно заметить, что сложные социальные феномены и процессы предстают здесь как аналоги технических устройств, которые необходимо наладить так, чтобы они работали сами по себе, никому не мешая и не беспокоя, но в то же время обеспечивая власти и обществу сервис и комфорт. Политик здесь подобен аварийной службе, которая вмешивается в политический механизм, когда последний ломается. Как только механизм начинает работать автономно, политик самоустраняется.

Кроме того, в «универсальном рецепте» явно просматривается «биологизация социального». Развитие общества и его институтов представляется в виде адаптации к периодическим неблагоприятным изменениям во внешней среде. Между тем в биологии механизм адаптации предполагает, как правило, функциональное упрощение организма, его примитивизацию и регресс. В посланиях России предлагается перенимать «универсальные» ценности и институты, опробованные историческим опытом других стран, так как *«мы не изобретаем*

никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей» (послание-2005), или адаптироваться к ВТО, благодаря чему «мы будем сами создавать... лучшие образцы» (послание-2002) и «осваивать высвобождаемые в мировой экономике ниши» (послание-2008). Иными словами, эффективные идеи и «универсальные рецепты» черпаются для посланий откуда угодно, только не из аутентичной российской истории или нынешнего состояния страны.

Риторика как паллиатив идеологии

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем» и социальных смыслов (за пределами привычных структур повседневности) являются речи, произносимые политиками в пространстве масс-медиа. При этом логика смысла рационализирующих политику современных идеологий уступает место модели политического мифа. Политическая риторика в переходном обществе является одним из главных средств при создании новых идентичностей и смыслов. Соответственно послания Президента являются существенным элементом конструирования новой социальной реальности, порождая новые смыслы, а следовательно, и онтологические изменения в социуме.

Послания Президента не содержат системного идеологического кода. В свое время привычные идеологии отражали социально-политическую реальность Модерна, индустриального общества, стратифицированного на реальные социальные классы. Сегодня же в глобальном масштабе происходит не что иное, как радикальная «индивидуализация» современного общества, стирание привычных структур и процессов социальной стратификации, усиление взаимозависимости внешней и внутренней политики, «отмена географии» (З. Бауман)¹. Эти процессы дополнительно катализируются не менее решительным экономическим выравниванием возможностей людей, кампаний и регионов в новом «плоском мире» всеобщей конкуренции/сотрудничества (Т. Фридман)². В потребительском обществе на смену группам интересов приходят группы населения. Идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет эффективность риторики, связанной с технологиями фрагментации общества, вместо его классической идеологической интеграции с позиций того или иного

¹ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. С. 23–25; см. также: Он же. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

² См.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007.

«классового интереса», претендующего на общезначимость. Президент в посланиях оперирует более низким и «как бы» самоочевидным уровнем «здравого смысла». Из-за идеологической выхолащенности тексты посланий неизбежно превращаются в своего рода апологию «здравого смысла». При этом многие самоочевидности посланий вовсе не «очевидны», а, наоборот, субъективны и контекстуальны. Деидеологизированная риторика оказалась весьма слабым средством для достижения главных целей посланий:

а) объяснения фундаментальных целей существования российского общества: «для чего живем!» и «как будем жить!» — поскольку эти вопросы требуют проективно-утопического элемента мышления;

б) для обеспечения легитимации нынешнего общественного порядка с помощью общенациональных целей и ценностей, выявления внешних и внутренних угроз существованию российской нации, а также с помощью ее социально-политических идеалов, в соответствии с которыми необходимо проводить текущую политику.

Таким образом, вся идеологическая архитектура посланий сводится к ситуативному прагматизму, выраженному в эконометрических референциях: удвоение ВВП, повышение зарплат, снижение инфляции и т.п. В них отсутствует политическое «утопическое» как таковое. Послания демонстрируют отсутствие идеологической проективности мышления, столь характерной для Модерна. Существующая в обществе на массовом уровне ностальгия по модерновому «времени идеологий» компенсируется «вне постмодернистской политики» — жанром фантастики, альтернативной и крипто-историей¹.

Соответственно эрзацем модерновой идеологии в «состоянии постмодерна» в посланиях Президента становится технологический популизм. В его основе лежит превращение когда-то абсолютных идеологических ценностей в технологическое средство. Популизм нацелен на конкретный результат, а не на доказательство «всесильных и единственно верных» идеологических истин. В посланиях доминирует тактический прагматизм, лишенный жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность идеологически нейтральных, «технических» терминов оптимизации, эффективности, толерантности и т.п. Послания демонстрируют желание властвующей элиты встать над идеологической схваткой, а не выиграть ее. Это признак слабости, так как стремление угодить всем «сегментам электората» (социальным, этническим, конфессиональным, возрастным) оборачивается невозможностью выйти на уровень национального (гражданского) интереса всех жителей России.

¹ См.: *Фишман Л.Г.* Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.

Риторика посланий в условиях трансформации российского политического режима фактически превратилась в заполнитель объясняющих и легитимирующих власть смысловых «лакун», которые возникают вследствие радикального расхождения институционального дизайна и официального дискурса элит, с одной стороны, и реальной политической практики — с другой. Испытывая трудности с объяснением фундаментальных политических смыслов, риторика посланий невольно начинает «проговаривать больше, чем говорит», поскольку «уже» или «еще» нет тех общепризнанных, интегральных идей и институтов, которые задают собственную логику вещей в политике «стабильных обществ», независимую от актуальных колебаний «генеральной линии».

Тексты посланий подтверждают гипотезу, что любому, в том числе постсоветскому политическому режиму России, как неизбежная «травма рождения», присуща абсолютизация своего первоначального институционального и идеологического дизайна. Этот дизайн удовлетворяет элиту, но не общество в целом. Соответственно политическая риторика посланий становится своего рода «виртуальным конструктором» для укрепления и стабилизации новых политических идентичностей в системе статус-кво. Однако властвующая элита не спешит предложить новый общественный договор, легитимные основания которого так и не были выработаны в постсоветский период.

Паллиативом нового общественного договора стал консенсус властных элит. Однако существуют сомнения, способен ли этот паллиатив выдержать проверку на прочность и легитимность во времена перемен и кризисов. Например, в послании-2007 прямо говорится, что в цикле выборов в Госдуму РФ и Президента России (декабрь 2007 — весна 2008) *«фактически будет решаться вопрос о преемственности государственной политики»*. Здесь логика свободного и непредсказуемого выбора народа в демократическом обществе элегантно подменяется проблемой преемничества: не «кто вообще будет принимать легитимные решения», а «кто будет **продолжать** принимать решения».

Непонятен и сам источник априорной уверенности, что народ одобрит продолжение нынешнего курса, а не альтернативу. Естественно, что в условиях «управляемой демократии» голосование является лишь технической легитимацией уже принятых элитой решений. И все же властные элиты не могут не понимать простой вещи: то, что политически бессубъектное население принимает навязанные правила игры, не означает, что оно их действительно разделяет. Именно здесь проходит тонкая грань между формальной легальностью всей совокупности «законного насилия» данного политического режима, и его легитимностью, то есть принятием населением ценностей и целей, лежащих в основе этого государственного принуждения.

Даже при положительных смысловых коннотациях понятия «реформа» сами реальные изменения в обществе или даже возможность таких трактуются в посланиях, по сути дела, как нечто отрицательное: реформы нужны лишь для того, чтобы укрепить контроль элит над настоящим. Поэтому единственным субъектом «реформ» выступает правящая элита. Принципиальные общественные трансформации с участием большинства населения угрожают политической автономии элиты. Реальные изменения предполагают пробуждение политической субъектности масс, которая в условиях демократического процесса непредсказуема, а потому опасна для властвующей элиты. Соответственно, тексты посланий скорее искусно симулируют, нежели подтверждают желательность перемен и стремление Президента к серьезным общественным реформам.

Тексты обращений Президента указывают и на то, что элиты до сих пор не создали новых интегральных символов нации. Такие символы, как свобода, демократия, рынок, конкуренция оказались слишком абстрактными для массового адресата, чтобы стать одной из легитимирующих опор проводимого политического курса. В то же время активное вытеснение старых символов превращается в неуклюжий отказ от российской истории советского периода, сохраняющий ее расколотость. В результате политическая элита оказывается отчасти в созданном ее же усилиями смысловом вакууме — символическом и историческом.

Вакуум смыслов усугубляет нестабильность фундамента политического режима современной России. Этот режим все еще находится в стадии трансформации «от СССР к России», в свою очередь накладывающейся на глобальный транзит страны к постиндустриальному, «информационному обществу». «Нестабильная стабильность» России обязана сегодня своей устойчивостью скорее переменчивым внешним факторам, неустойчивой точкой равновесия, чем найденным властными элитами «рецептом стабильности». По существу, в посланиях не предложена даже попытка создания такого рецепта. Поэтому «инерционная» стабильность может быть в ближайшем будущем взорвана рядом накопленных в обществе внутренних конфликтов, которые порождены резкой поляризацией населения по разным основаниям (идеологическим, экономическим, поколенческим и т.д.), а также отсутствием в нынешней России интегрального дискурса социальной справедливости, разделяемой большинством населения. При этом проблема социальной справедливости вовсе не сводима, как это делается в посланиях, ни к уровню жизни, ни к проблемам комфорта и материального благополучия, имея во многом субъективный, нравственный стержень, который мало соотносим с «планом сущего» политики.

Таким образом, стабильность российского общества не фундаментальная. В нем подспудно нарастают отложенные ожидания, протесты, неудовлетворенные надежды. Благодаря явному улучшению экономического положения России в 2000-е гг., рапортам властей всех уровней о пополнении золотовалютных резервов и экономическом росте, в значительной части общества происходит психологическая эскалация ожиданий благ от государства, которое «должно поделиться». Эти ожидания государством не исполняются, либо осуществляются в раздражающей форме, охватывая незначительную часть населения (нацпроекты).

В результате, как отмечает В. Федоров, «большинство россиян полагают, что наше сегодняшнее общественное устройство несправедливо. Оно в меньшей степени отвечает их понятиям о норме, чем советский уравнилельный социализм. С этим обстоятельством люди мирятся. Революционные настроения, стремление «взять и все поделить» — удел немногочисленных маргинальных групп... Но и массовой поддержкой, признанием моральности и справедливости существующий социальный порядок похвастаться не может. Такая ограниченная лояльность жителей нашей страны по отношению к ее общественному устройству представляет собой своеобразную мину замедленного действия, заложенную под российское государство... Стоит ли ждать, когда придет новый Савонарола и, используя энергию социального протеста, попытается разрушить российскую государственность?»¹.

В посланиях ни слова не говорится о внутренней политической оппозиции, влияние которой повсеместно стремится к нулю. Президент даже не считает важным реагировать на критику, альтернативные точки зрения политических оппонентов. Отсюда ощущение, что оппозиции в стране на самом деле нет, а страна вновь демонстрирует единство партии и беспартийных. Идеологическая полемика власти с утратившей влияние оппозицией становится как бы бессмысленной. И утрата влияния оказывается здесь более значимой причиной, чем ставшая вследствие этого неактуальной идейная окраска оппозиции, будь она левой или правой. Парадоксально, что единственным идеологическим субъектом в России остается именно Президент, в зависимости от актуальной повестки дня легко воспроизводящий в рамках всеядного идеологического прагматизма и консервативную, и либеральную, и патерналистскую, и патриотическую риторику, произвольно заимствуя ее у оппозиции и побеждая ее — «безгласную» и «безответную» — на ее же поле.

¹ Федоров В. Предчувствие Савонаролы // Взгляд от 24.01.2007. WWW-документ: <http://www.vz.ru/columns/2007/1/24/65660.html>.

Политический стиль посланий семантически «сглаживает», но отнюдь не выявляет, а тем более не «снимает» реальные социальные противоречия. Конфликты «заговариваются» либо просто «умалчиваются». В силу этого риторика посланий, как ни парадоксально, симптоматична для «последних времен», когда политическая элита не в состоянии разрешить накапливающиеся в обществе конфликты и противоречия, а новый политический субъект еще не вышел на сцену истории. Послания демонстрируют ситуацию постоянного откладывания стратегического выбора, сделать который России все равно рано или поздно придется. Проблема в том, что существует точка невозврата, после которой судьба России перестанет зависеть от ситуационного популизма и прагматизма, требуя решений «по существу», связанных с выработкой и реализацией новых оснований социальной справедливости в интересах всего общества. Старые основания, цементирующие советское общество, уже не сработают. Однако нового дискурса социальной справедливости (даже честной попытки выработки такового) в посланиях так и не было предложено.

Кроме того, создание отсутствующего ныне интегрального дискурса справедливости может стать лишь частью принципиально нового политического проекта или общественного договора, основания которого не были предложены элитой обществу в постсоветский период. Очевидно, что стимулом к подобной рефлексии и коррекции политического курса Кремля сегодня может быть только: а) реальная оппозиция, причем неважно какого идейного цвета; б) социально-экономический кризис; в) масштабный природный катаклизм (не дай Бог). В настоящее время эти стимулы отсутствуют. Дело в том, что: а) как никогда стабильно, за весь постсоветский период, экономическое положение России благодаря конъюнктуре мировых цен на энергоресурсы; б) распределение крупной собственности завершено, крупные «переды» остались в прошлом, политические и экономические элиты, власть и собственность едины, как монолит. Это «гасит» во властной элите стимулы и желание что-то менять к лучшему, поскольку для элиты лучше быть уже не может. В результате стране грозит участь остаться на периферии глобальной миросистемы.

6. Национализм нового типа?

Согласно И. Валлерстайну, либерализм, социализм и консерватизм являются идейной реакцией на капиталистическую миросистему и удовлетворяют социопсихологические потребности классов, со-

ставляющих ее центр. Данные потребности онтологически вытекают из мирового разделения труда.

При этом доминирующей идеологией является либерализм, обусловленный экономическими и социальными потребностями предпринимателей, которые достигают своих целей не только посредством рынка, но и с помощью государства (и без государства большинства целей достигнуть не могут). Это цели безопасности накоплений, политических гарантий собственности и т.д. Либерализм предлагает стратегию постепенной интеграции «опасных классов» в политическую систему. Однако он вынужден искать культурные и идеологические ограничители, препятствующие пониманию прав человека как действительно общедоступных. Ибо такое понимание, которое нередко берется на вооружение радикалами, грозит дестабилизировать систему. Современный кризис миросистемы, описанный на либеральном языке, как раз и заключается в том, что если у людей действительно равные права, то неэгалитарность миросистемы нельзя сохранять. А если признать фактическую неэгалитарность капиталистической миросистемы, то она теряет легитимность в идеологическом плане, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом. Что и происходит в особенно явном виде с 1968 г.

Либеральная интеграция общества в XIX — первой половине XX в. достигалась путем проведения ограниченных реформ и, что особенно важно, культивированием национализма, перерастающего в расизм — коллективный национализм цивилизованных наций. Другим культурным ограничителем является сексизм: не все права человека распространяются на женщин. Наконец, либерализму присущ интеллектуальный «расизм» — ориентация на те слои («средний класс»), которые могут правильно пользоваться правами. Национализм, интеллектуальный расизм, сексизм одновременно являются и ограничителями либерализма, и стабилизаторами капиталистической миросистемы, в которой либерализм является центральным политическим дискурсом. Поэтому при кризисах миросистемы все они оказываются под вопросом.

Антисистемные, преимущественно левые, движения практически всегда выступают против интеллектуального расизма, всех видов дискриминации и этнизации идей национализма. Если в условиях классического Модерна индустриальной эпохи национализм как механизм интеграции социума в нацию стирал сословные отличия, наделял всех людей равным гражданским статусом и правами, выполняя универсализирующую и эгалитаристскую функции, то в период глобализации национализм часто превращается в систему ограничения гражданской идентичности, в способ удержания достигнутых преимуществ тех или иных обществ перед инородцами и иммигрантами.

Такое понимание национализма превращает его из способа выравнивания глобального мира в архаичный, этноцентристский и антимодерновый концепт, используемый для сохранения неравенств внутри обществ и в глобальном мире.

Вхождение в миросистему дестабилизирует страны периферии в экономическом, политическом и социальном плане. На периферии, как, например, в России, может и не быть либерализма, но зато есть последствия тех практик, которые в центре миросистемы этот либерализм породили. Возникают новые экономические отношения и новые социальные группы с характерными для них социопсихологическими потребностями и политическими требованиями. Соответственно, у правящей элиты появляется такая же необходимость в идеологическом стабилизаторе, которая ранее возникала у элит стран центра миросистемы. И поэтому проблема политических дискурсов «периферийной империи» — это во многом проблема «стабилизатора» либерализма на периферии.

В России XIX — начала XX в. государственная бюрократия и зависимая от нее буржуазия так же желали достичь интеграции общества, как и западные либералы. И на вооружение тоже был взят национализм, однако в периферийной огранке.

Национализм возникает в период борьбы в центре миросистемы за положение в ней. Первым вышедший на историческую арену национализм французов — это, в частности, следствие попытки изменения своего положения, попытки достичь гегемонии в борьбе с Англией. То же самое верно относительно национализма немцев, англичан, американцев. Национализм — способ мобилизации ради изменения места в миросистеме, но не самой миросистемы. При этом нельзя отрицать, что, обладая мобилизующим и объединяющим потенциалом на локальном (государственном) уровне, национализм может время от времени дестабилизировать миросистему в целом. Что и доказали две мировые войны.

Азбука национализма, как выражается Е. Холмогоров, проста: «Ксенофобия является естественной основой поведения большинства цивилизованных наций мира. Не допускать к власти и собственности чужаков. Править самим. Если можешь — расширяться, если не можешь — обороняться»¹. Национализм — технология мобилизации нации, изобретенная Модерном. В этом аспекте он и был воспринят правящей элитой Российской империи. Затем требовалось создать некую символику, иерархию смыслов, интегрирующую социум.

¹ Холмогоров Е. С. Русский проект: Реставрация будущего. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 53.

Россия — империя, но, в отличие от британской, нельзя сказать, что русские в ней уже оформились как нация в европейском смысле. Отсюда попытка дореволюционной бюрократической элиты сформулировать национальную идею на языке не только идентичности, но и теологии — Самодержавие, Православие, Народность. На окраинах империи шел, однако, другой процесс, но тоже под звуки националистической риторики. Там поднимались вопросы о правах народов. В то время как империя в целом пыталась легитимировать свое место в миросистеме путем выработки национально-имперских символов, на окраинах стремились путем выработки национальных символов мобилизовать массы на борьбу за независимость от самой империи. Это не удивительно. В период кризиса миросистемы националистические лозунги часто берутся на вооружение революционными и реформаторскими силами периферии, стремящимися изменить положение своей страны в миросистеме. Логика проста: национальное государство в странах центра защищает интересы своих предпринимателей, свое привилегированное положение в миросистеме. Империализм не зря препятствует созданию национальных государств на периферии: он видит в них угрозу центру. Национальное государство сможет осуществить модернизацию и догнать центральные страны. Это также превосходно согласуется с базовой либеральной риторикой насчет прав народов на самоопределение.

Антисистемные политические дискурсы в дореволюционной России, как и на Западе, имели тоже социалистический, антирасистский, антинационалистический характер. Он удовлетворял социопсихологическим потребностям большей части интеллигенции. Антилиберальные практики российских модернизаций только подогревали оппозиционные настроения. Либеральные же практики сразу связывались с буржуазным укладом, который, собственно, и порождает, кроме эксплуатации, также и механизмы ограничения возможностей большинства: национализм, расизм и сексизм.

Поэтому революция 1917 г. закономерно приняла интернационалистский по своей символике характер. И столь же закономерно уже в 20-е годы XX в., когда стало ясно, что миросистема устояла (мировой революции не произошло), элементы национализма начали возвращаться в советскую политику. Пришлось создавать нечто вроде альтернативной миросистемы, блокироваться с государствами, которые временно стали в этой миросистеме изгоями (например, Германия). Характерно, что в тот же период в Германии социалистическая символика начала соединяться с националистической. Нацисты заговорили о странах-пролетариях и странах-капиталистах: классовая и национальная идеи показали свою способность стать обоснованием для нового передела миросистемы.

Возврат России после 1991 г. на капиталистическую периферию означал и возврат к проблеме стабилизаторов-ограничителей либерализма. Этим и были обусловлены возрождение националистической и имперской риторики, а также многочисленные попытки сформулировать новую национальную идею. В частности, мода на геополитику в 1990–2000-х гг. — это очередная попытка создать национальную идею вне конкретного социального контекста. На сей раз это мышление не эсхатологическими, религиозными, культурологическими категориями, а пространственными и т.п. — как бы внеидеологически. Правда, за пространственными категориями всегда просматривается идеологическая и религиозная символика.

Однако в полной мере воспроизвести триаду «национализм-расизм-сексизм» в новых условиях уже оказалось невозможным. Возвращение на периферию произошло как раз в тот момент, когда капиталистическая миросистема переживает очередной кризис, если не закат. В идеологическом смысле это означает, что национализм уже поставлен под сомнение в странах центра, а расизм и сексизм и вовсе вытеснены и не являются темой для разговоров, ведущихся в рамках приличий. Как источник нестабильности национализм слишком опасен для впадающей в стагнацию миросистемы. Как средство объединения общества для изменения положения своей страны в миросистеме он еще может быть использован на периферии, в стране, элиты которой всерьез были бы озабочены такой задачей. Но это чревато глобальными потрясениями с непредсказуемым исходом. Как раз в стремлении к таковым элиты постсоветской России заподозрить нельзя — их в целом удовлетворяет наличное положение вещей. Поэтому они вовсе не собираются разыгрывать карту русского национализма всерьез. Для поддержания иллюзии того, что Россия все еще остается великой страной, достаточно апелляции к символике прежнего величия. В то же время лояльность к правилам игры центра подразумевает борьбу с национализмом (ведь центр, скажем, в лице объединенной Европы, уже не рассматривает национализм как главное средство объединения людей в цивилизованное сообщество) — например, в виде «фашизма».

Будет ли в России национализм взят на вооружение как вдохновитель нации на попытку изменения места страны в миросистеме? Такого рода проекты уже выдвигались и продолжают выдвигаться как авторами, имеющими репутацию серьезных философов и ученых, так и политическими публицистами. А. Панарин незадолго до смерти писал о возможности для России вернуть себе статус сверхдержавы, но уже не столько материально могущественной, сколько обладательницы моральной силы, альтернативы, «касающейся самих принципов

жизнестроения»¹. О. Матвейчев полагает, что Россия должна построить новый мир, лидерства в котором она добьется путем целенаправленной стратегии достижения интеллектуального доминирования². В том же направлении уже давно разворачиваются усилия М. Калашникова, Ю. Крупнова, С. Кугушева, предлагающих проекты грандиозного скачка России в Нейромир³.

Характерно, что хотя эти проекты ориентированы прежде всего на благо России — и в этом отношении «национальны», их авторы отчетливо осознают, что реализация проектов изменит весь мир. И тут речь идет не столько о том, что в измененном мире Россия станет доминировать. Изменится «мировой порядок», сама основа взаимоотношений между народами. Стать мировой державой — значит предложить именно проект нового мироустройства. Мировая держава как сверхзадача современной России — это не глобальные претензии на монопольную власть, не империя, не второе издание сверхдержавы и даже не великая держава, а средство, инструмент для постановки и решения общих для всех народов, стран и людей мировых проблем. Возродить Россию, дать ей новую национальную идею — это восстановить Россию как фактор, «сдерживающий» и отсрочивающий пришествие Антихриста (Е. Холмогоров). Осуществить скачок в Нейромир (М. Калашников, С. Кугушев) — значит таким образом преобразовать экономику, социальную структуру, технологическую базу и, наконец, самого человека, чтобы новый образ жизни в России стал своего рода универсальной «закрывающей технологией», окончательно блокирующей воспроизводство отношений «старого мира», в котором правят транснациональные корпорации и «Сообщество Тени». В глобализирующемся мире, как замечает У. Бек, именно традиционные левые и правые силы выполняют «протекционистские» функции, уступая при этом интернационалистские лозунги альтерглобалистам⁴. Положение России осложняется и тем, что в ней сейчас с интернационализмом дело обстоит еще хуже: он в лучшем случае символизирует славное прошлое наших парламентских коммунистов. К тому же именно в слабости интернационализма, как утверждает К. Клеман, видится первое препятствие к развитию альтерглобалистского движения в России⁵. Поэтому функции интернаци-

¹ Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 280.

² См.: Матвейчев О.А. Суверенитет духа. М.: Поколение, 2007. С. 201–219.

³ См.: Калашников М. Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего. М.: АСТ: Астрель, 2006.

⁴ См.: Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 49.

⁵ См.: Клеман К. Слабость интернационализма препятствие к развитию альтерглобалистского движения // http://www.aglob.info/articles.php?article_id=733.

оналистов, как это ни удивительно, вынуждены отчасти брать на себя те, кто ими объективно не является.

Не наступает ли время, когда «националистические» по форме проекты могут обрести гораздо больший интернациональный потенциал?

Возможно, появляется альтернатива как государственному, так и «красно-коричневому» патриотизму, и национализм в России начинает радикально менять свою природу, становится революционным и поневоле интернациональным. Националисты новой волны начинают выдвигать проекты, которые сознательно идут гораздо дальше, чем простое изменение менее выгодного положения в миросистеме на более выгодное. Некоторые националисты времен заката капиталистической миросистемы, к которым можно отнести упомянутых выше М. Калашникова, С. Кугушева, Е. Холмогорова, А. Панарина и других, даже поднимают вопрос о том, как эту миросистему изменить. Однако в целом нельзя сказать, что моральная подоплека наших ведущих политических дискурсов дает повод для оптимистического взгляда в будущее.

7. Нравственное значение нашей «революции»

В настоящее время часто говорится, что Россию в мире «не любят». Что она не обладает авторитетом, а при малейшей попытке укрепить свое положение встречает единодушное сопротивление Запада — именно в силу этой почти мистической нелюбви.

Но почему «нас не любят»? Этот вопрос задается, наверное, со времен Чаадаева. Чаадаевский ответ известен: потому что Россия не «историческая» страна, которая, тем не менее, претендует на роль в истории. Своего рода страна-самозванка, которую не прогнать из-за ее величины и военной силы.

В богословском и лестном для нас варианте это звучит так: все более подпадающий под власть дьявола мир не любит Россию, потому что она сдерживает его сползание к апокалипсису. Сейчас, правда, уже почти не сдерживает, но возможно, станет сдерживать вновь, если по-настоящему обратится к Богу.

Вот еще один вариант: Россия настойчиво пытается идти своим путем. Даже тогда, когда ее правители заявляют, что идут вместе с Западом или даже опережают его на той же магистральной дороге истории. Однако в процессе этого опережения Россия дискредитирует западные ценности. Она — «обезьяна Запада», как дьявол — «обезьяна Бога». Иными словами, Россию не любят за то, что она есть «иное» Запада, на которое Западу смотреть противно.

Как бы то ни было, в любом случае Россию не любят по моральным соображениям. Но дело не только в моральных соображениях рационального плана (моральное чувство вообще рационально как процедура проверки на соответствие норме). Тут примешивается еще и иррациональный подтекст.

Правда, мистика в духе какой-то эзотерической теории заговора здесь не при чем: Россию в последний период ее истории не любят за предательство. Потому что Россия — такая же предательница Модерна, как и Запад, только еще циничнее, откровеннее и хуже. Отягощается ситуация тем, что предательство это происходит как раз в период очередного обострения неустранимого «фактора морального коллапса» капиталистической миросистемы, в которую сейчас включилась и Россия.

Такое утверждение требует пояснений.

Капиталистическая миросистема (КМС) — это прежде всего «мир-экономика», вырастающая параллельно и над мирами-обществами, мирами-империями (локальными экономическими, политическими, национальными, культурными и т.п. общностями). Это означает, что в морально-этическом отношении в своих пределах КМС может руководствоваться только некими общими для всех, усредненными нормами.

Эти нормы касаются прежде всего обмена, торговли, силового раздела сфер влияния (государственного суверенитета). В феодально-католической Европе эти нормы долго не были определяющими, ютились по уголкам социального универсума. Как замечает И. Валлерстайн, феодализм сменился капитализмом в результате того, что нелегитимная прежде капиталистическая культура (с доминирующей предпринимательской мотивацией) воспользовалась моментом ослабления социальной оппозиции капитализму, которая произошла в силу сочетания самых разных причин.

Однако внутри КМС всегда предпринимались попытки каким-то образом научиться контролировать свой источник экономического развития — «моральный коллапс», — научиться жить с ним, ограничив его воздействие до приемлемых пределов. Усилия были направлены на своего рода «реморализацию» КМС всеми доступными способами — от религиозных до философско-политических. Проект Модерна был, возможно, самой масштабной попыткой такой реморализации¹.

¹ Подробнее об особенностях реализации российской версии Модерна в контексте Модерна как глобального политического проекта см.: *Мартынов В.С.* *Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире.* Екатеринбург: УрО РАН. 2007. — 344 с.

Но что такое Модерн?

Модерн, в либеральной или коммунистической его версии, это прежде всего глобальный морально-политический проект. Его смысл в том, чтобы в перспективе возвысить униженных, дать всем равенство и процветание, расширить возможности, достигнуть справедливости для всех.

Г. Рормозер очень емко сформулировал суть и, главное, мотивацию модернизаторского проекта: «На достижение какого состояния общества была ориентирована с самого начала эпоха Нового времени? Стремление было всегда к такому состоянию общества, при котором человек полностью распоряжался бы своей собственной судьбой и всеми социальными и индивидуальными условиями своей жизни. ...Замысел состоял в том, чтобы упразднить случайность, или, говоря более обыденным языком, судьбу. ... Человек не должен был более зависеть от своей судьбы. Ему надлежало взять отныне в собственные руки естественные и социальные обстоятельства своей жизни, самому распорядиться ими, чтобы, освободившись от всякого рода зависимости, связанной с судьбой, обрести возможность поступать теперь как ему вздумается»⁹¹. Иначе говоря, модернизаторский проект Нового времени, питавший либерализм и социализм, заключался в обещании человечеству достигнуть возможности *управлять своей судьбой*.

Разумеется, этот процесс реморализации никогда не протекал гладко.

Неизбежные сбои попыток реморализации происходили из-за того, что моральные оппоненты капитализма далеко не всегда превосходят его именно в моральном отношении. Таковы различные виды сословно-средневековой морали — аристократической, морали людей свободных профессий и т.д. Почвенническая и традиционалистская мифология, расизм, словом, мораль, основанная на прославлении добродетелей сильных, никоим образом не противоречит морали рынка, поскольку она также основана на представлении о неизбежном неравенстве людей. Поэтому политические учения правого толка (фашизм и национал-социализм — крайний вариант) являются временными паллиативами, разочарование в которых бывает жестоким и отбрасывает Запад назад в моральном отношении. Но до сих пор Запад находил в себе силы возвратиться на столбовую дорожку реморализации.

Гораздо более серьезной угрозой реморализации является кризис так называемого либерального консенсуса. Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, су-

⁹¹ Рормозер Г. Крах идеологий как выражение кризиса эпохи Нового времени // Кризис либерализма. М.: ИФАН, 1996. С. 35.

мевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. В принципе либеральный консенсус основывался на обещании, что *все люди и все народы* мира рано или поздно достигнут высокого материального и культурного уровня.

В результате национализм, расизм, сексизм и прочие ограничения либерального консенсуса, без которых он, тем не менее, не мог «работать» на практике, с легкостью могли быть осмыслены как ограничения *культурные*. И они тем более вызвали негодование, что в идеологии либерализма насчет этих ограничений ничего не говорится, а, напротив, утверждается, что права человека доступны всем, вне зависимости от пола, расы, вероисповедания и т.д. Стоит ли удивляться, что исключенные из либерального консенсуса оказались восприимчивыми именно к идее *культурной революции*, призванной покончить с политикой двойных стандартов либерализма? Что они считали, будто только культурные ограничения мешают им овладеть всей полнотой прав — от прав индивида до прав народов. В том числе и правом свободно передвигаться по миру в поисках работы, которой нет дома именно потому, что экономического процветания по рецептам МВФ там почему-то не наступает.

И. Валлерстайн утверждает, что в ходе западных волнений 1968 г. был поставлен под сомнение базовый либеральный консенсус исторической капиталистической миросистемы. И произошло это просто потому, что либерализм не смог, да и не мог в принципе, выполнить своих обещаний, данных всем людям и народам мира¹. Люди и народы устали ждать, когда же современные идеалы прогресса, благосостояния и справедливости для всех станут реальностью. Крушение СССР как альтернативной версии той же современной мечты стало последней каплей. С этого момента капиталистическая миросистема вступила в очередную эпоху обострения «фактора морального коллапса».

Запад и Россия осуществляли и одновременно предавали Модерн по-разному. Как предавал-осуществлял Модерн Запад, вкратце было сказано выше. Из предательства Модерна на Западе выросли риторика идентичности и цивилизационизм в области политической мысли, религиозные фундаментализмы, расизм, сексизм и т.д.

Россия-СССР прошла тот же путь, только с коммунистической идеологией. Заимствование ортодоксально-либеральных ценностей и политического режима оказалось неудачным. Все это привело к постепенному откату к «суверенной демократии» со свертыванием публичной политики, ползучим национализмом, теми же риториками национальной идентичности и т.п.

¹ См.: Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003. С. 234–251.

Почему же нас «не любят», если у нас все то же самое? Потому что когда Запад пусть на символическом уровне пытается сохранить доминирование хоть какой-то версии общечеловеческих ценностей в мире, наши элиты не нашли ничего лучшего, как откровенно скатиться к «обороне тупика». Потому что *коллапс советского проекта в России сразу же начинался как моральный коллапс самого проекта Модерна в целом.*

Вспомним, как это начиналось. На поверхности все выглядело как отказ от тупикового пути развития и возвращение на магистральный путь истории. В действительности же Россия отнюдь не возвращалась на Запад в моральном отношении, а отрицала его фундаментальные гуманистические ценности, которым в общем была привержена в советский период. Как отмечает А. Юрчак, «значительное число простых советских граждан в доперестроечные годы воспринимало многие реалии повседневной социалистической жизни (образование, работу, круг друзей и знакомых, относительную неважность материальной стороны жизни, заботу о будущем и других людях, равенство, бескорыстие) как истинные ценности... Эти положительные, творческие, этические стороны жизни были такой же частью социалистической реальности, как и ощущение отчуждения и бессмысленности, которые нередко их сопровождали»¹. Иными словами, советское общество имело с современными западными обществами общие ценности модернового характера. Это были ценности равенства, солидарности, социальной справедливости и научно-технического прогресса, как условий, необходимых для личностного роста и т.д. Мало-помалу развивавшийся культ материального потребления, конечно, оттеснял эти ценности, но не мог еще оспаривать их главенства — они были «естественными».

К началу 1990-х гг., однако, количественные изменения переросли в качественные. Общие с современной Европой модерновые моральные ценности были обменены на внешнее единство во второстепенных вещах — экономических принципах, политических режимах, в потреблении.

Львиную долю модерновых ценностей заменила ценность конкуренции, которая быстро укоренилась в нашем общественном сознании. Впрочем, в ретроспективе такое стремительное моральное падение не представляется удивительным. Причина заключалась не только в распространении культа потребления еще в советское время. Ему предшествовало моральное разоружение интеллигенции, равно

¹ Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. С. 89–90.

как и остальных социальных слоев — и это разоружение было обусловлено, как ни смешно, самим советским воспитанием и образованием.

Мы все воспитывались на образцах «золотого века» русской литературы, она была едва ли не фундаментом нашего воспитания и образования. Но в ней образованный и культурный человек был, как правило, *дворянином, представителем привилегированного класса*. Такому культурному образцу собственно советская культура в итоге не смогла ничего противопоставить. Более того, она считала его вполне приемлемым. Энергетика собственно социалистических (читай — преимущественно современных) моральных ценностей постепенно выдыхалась в условиях распространения потребительской психологии. Так или иначе, в определенный момент своей эволюции наша интеллигенция оказалась неспособной увидеть в образованном дворянине русской литературы ничего, кроме вожденной картины привилегированной жизни, особое качество которой придавало потребление высоких произведений культуры и искусства (ну и, разумеется, соответствующий высокий уровень чисто материального потребления). Так культурность стала ассоциироваться с привилегированностью, с принадлежностью к «элите».

В результате как интеллигенция, так и народ в целом лишились иммунитета к разного рода «философиям неравенства». И эти философии не замедлили появиться. Интеллигенция ощутила себя привилегированным классом, стоящим выше всех прочих, не совсем полноценных в культурном плане. Поэтому ее гуманизм, ее высокие идеалы стали гуманизмом и идеалами барина без поместья, который был бы не прочь приобрести оное. И потому интеллигенция не смогла в моральном плане ничего противопоставить «дикому капитализму» 1990-х. Ее оказалось легко совратить, соблазнить призраком элитного благополучия и избранности, которые якобы ожидали ее в капиталистическом будущем — будущем принципиально *не равных* людей.

Что бы там ни говорили о всплеске свободы в 1990-х, эти годы были овеяны прежде всего людоедской риторикой тотального господства рынка. Капиталистическая миросистема повернулась к нам только одним боком: грубо истолкованными моральными принципами капитализма, но не ценностями либерализма и демократии, не ценностями собственно Модерна. Однако принципы капитализма в чистом виде всегда были перманентной угрозой торжества морального коллапса на Западе с пугающими перспективами отсутствия даже намека на социальную справедливость, равенство, рост возможностей для всех и даже на личную безопасность. Неудивительно, что в России моральный коллапс обернулся «криминальной революцией».

Причем самое характерное — народ и интеллигенция эту людоедскую, объективно антимодерновую, антигуманную риторику в общем-то приветствовали! В течение нескольких лет было нормальным считать неравенство правильным, безработицу — благом, классовое деление — достижением, потребление — основной целью в жизни. Потому что многие надеялись, что в новых условиях рынка они, благодаря своим талантам или оборотистости, превзойдут других. А если кто-то скатится на социальное дно, оказавшись без поддержки государства, так это только справедливо. Иными словами, моральное падение, предпосылки к которому накапливались долгие годы, было столь же стремительным, сколь и массовым.

Но это было только начало. Потом наступило разочарование: жизнь по законам рынка почему-то принесла большинству не потребительский рай и личное процветание, а балансирование на грани выживания. Тогда вновь обретшие популярность патриоты (или националисты, как они теперь предпочитают себя называть) во всем стали обвинять злокозненный Запад и его ядовитые для прочего мира ценности, которые, помимо всего прочего, разрушили великий СССР и повергли в ничтожество его наследницу Россию.

Наша общественная мысль из такого печального поворота событий сделала далеко идущие выводы. Это были выводы в духе «реал-политик», прагматизма, антилиберализма, цивилизационизма. Следствием морального разоружения интеллигенции, ее увлечения элитистской мечтой стала ее моральная неразборчивость в области политической мысли. Рецепт неразборчивости прост: морален любой путь развития, который приносит благо своей стране. Этот рецепт до сих исповедуют и правые, и националисты. Но он годится и для части левых, да и вообще для всех, кто вздыхает об утраченном прежнем могуществе (имперском или советском — безразлично), невзирая на его моральные и материальные издержки для окружающих народов. (Разумеется, любым издержкам, скажем, советской политики в отношении Польши и Прибалтики в ретроспективе можно найти убедительное оправдание — с точки зрения отечественных национальных интересов. Но удивительно ли, что такая позиция далеко не всегда встречает понимание наших соседей, у которых всегда были и есть *собственные* национальные интересы?)

Так или иначе, но в течение последних 10 лет общественное мнение России стало постепенно склоняться к другой крайности. Если западные ценности не принесли России процветания, то они ложны. Общечеловеческих ценностей нет, они — выдумка Запада, провозглашающего свои собственные ценности универсальными с банальной целью достижения господства. «Некоторые, — иронизирует по этому

поводу игумен Вениамин Новик, — как только слышат об общечеловеческих ценностях, так просто в ярость приходят и хватаются кто за кобуру (у кого есть), а кто... — за кадило. О каких правах человека можно говорить в этой (нашей) стране? — говорят одни. Права человека — это эгоизм, — вторят им другие. Наиболее осведомленные начинают снисходительно улыбаться и, похлопывая вас по плечу, начинают объяснять, как все обстоит “на самом деле”, и где находится и куда течет нефть, которая непременно должна быть, и цены на которую всё определяют. Мол, все куплено, а эта вся трескотня о гуманизме, правах человека — не более чем дымовая завеса, или фиговый листок, под которым сами знаете что»¹.

Словом, правы были Данилевский, Шпенглер, Хантингтон, говорившие, что человечества нет, а есть только борьба цивилизаций и культур. Мы забыли свои корни, приверженность которым важнее, чем забота о человечестве вообще. Так не будем теперь прислушиваться к этим лицемерным западникам, которые в действительности заботятся только о собственном благе, даже если мир от этого всеобщего равнодушия к общему благу становится все несправедливее и несправедливее. Величайшей глупостью наших предков было стремление принести счастье всему миру (хоть в этом-то коварные антикоммунисты были правы!), надо заботиться прежде всего о себе. Мы забыли, что на самом деле в реальном мире кто сильный, тот и прав. Поэтому желательно восстановить хотя бы часть прежнего могущества и с его позиции диктовать миру свои условия. Мир жесток и несправедлив, так станем такими же по отношению к нему. Для внутреннего пользования придумаем какую-нибудь национальную идею, достаточно цивилизованную, гуманную и возвышенную. Ну например, основанную на наших традиционных и советских (тоже понятых в традиционалистском духе) ценностях. У всех ведь есть, почему у нас нет? А еще лучше — восстановить империю, хоть Российскую, хоть советскую, лишь бы сильную. Вот тогда-то все будет хорошо.

Не трудно заметить, что эти выводы вовсе не подразумевали какой-либо реставрации морального духа Модерна, совсем наоборот. С моральной точки зрения они абсолютно идентичны тем людоедско-рыночным призывам, которым последовал советский народ 15 лет назад. Только теперь эти призывы получили философское обоснование, приобрели масштабность концепции, которой можно руководствоваться в глобальном мире, лишенном общечеловеческих ценностей.

¹ Игумен Вениамин (Новик) Существуют ли общечеловеческие ценности? // Нева. 2005. № 8. С. 143.

Всякая революция имеет моральное и нравственное значение и содержание. Ясно выраженным моральным значением обладала Октябрьская революция. Имеет свое моральное содержание и та «революция», которая случилась у нас на протяжении последних двух десятков лет. И было бы полезным сравнить нравственные значения этих двух революций, чтобы понять, где мы на самом деле теперь оказались в моральном отношении.

М. Лифшиц в статье «Нравственное значение Октябрьской революции»¹ указывал на то, что Октябрьская революция, в отличие от буржуазных революций, ориентировалась на последовательное сплочение масс, на преодоление отрицательного духа разрушения, «войны всех против всех», в конечном счете, — «духа дьявола in personae». Поэтому многие современники видели в ней религиозные черты: «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос», как писал Блок. Социализм (за что его упрекали всегда «реалистически мыслящие люди») предполагает наличие гораздо более нравственного, «сознательного» человека, чем капитализм. Поэтому, по сравнению с социалистическими, буржуазные революции преимущественно «отрицательные»: их цель не в моральном совершенствовании, а в том, чтобы просто расчистить место для «естественным образом» вырастающих рыночных отношений и соответствующей им морали.

Но как выражались советские историки политической мысли, буржуазные революционеры прошлого часто «не понимали», что они — буржуазные революционеры. Поэтому они нередко заводили свои революции дальше собственно буржуазных целей, выдвигали лозунги, которые гуманизировали буржуазный мир и т.д. Словом, они хотели мира более совершенного в нравственном смысле, нежели тот, который был объективно достижим. Да, собственно, поэтому они и чувствовали за собой моральное право быть революционерами, идти на жертвы — свои или чужие.

Моральное различие между революциями вырастает, разумеется, из политической философии и идеологии. Поэтому когда сегодня, например, предрекают новую революцию, которая ликвидирует нынешний российский «военно-полицейский феодализм»², возникает вопрос: а каково же будет нравственное значение *этой* новой революции?

Всё то же буржуазное. Речь идет о смене «феодално-полицейской» элиты на настоящую буржуазную, которая, непонятно почему,

¹ См.: Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // Собр. соч. Т. III. С. 230–258.

² См.: Делягин М. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем. М.: Новости, 2007. С. 28–30.

будет более моральной. Но мы теперь знаем, какова мораль капитализма сама по себе, когда ее никто извне не ограничивает. Это лицемерная мораль формальных законов, под маской которых кипит постоянная война всех против всех, подпитывая людей естественными для капитализма чувствами зависти, соперничества, неустранимого дискомфорта от неравенства и т.д. Словом, та самая моральная клоака, которая привела к двум мировым войнам и множеству локальных.

Наши «буржуазно-революционные» соотечественники вполне отдают себе отчет в том, что хотят именно новой *буржуазной* революции, хотят сменить одну элиту на другую. Вероятно на себя, в чем они и видят благо для России. Ну конечно, ведь они не развратились грязными деньгами нынешних правителей (с ними не делились!) и оттого заведомо более моральны.

Спрашивается — откуда взяться этой высокой морали?

Вот для современников Октябрьской революции из личного опыта была понятна нравственная разница между тем, что было до революции и тем, что пытались сделать после нее. Более того, современник Октябрьской революции мог четко указать — откуда проистекает такая разница и почему она неизбежна. Проистекала она из коммунистической идеологии, благодаря которой сторонники большевиков имели огромное моральное преимущество перед своими «белыми» противниками. Никакая реабилитация и героизация белого движения неспособны затушевать того факта, что оно было не более чем вооруженным сопротивлением относительно малочисленных социальных групп, боровшихся исключительно «сами за себя», за свое утраченное с крахом царской России «место в жизни». Враги советской власти сколько угодно могли обвинять ее в террористической жесткости, но эта жесткость оправдывалась стремлением в перспективе обеспечить наибольшее количество возможностей наибольшему числу людей. Это была гуманистическая мораль с акцентом на социальную солидарность. Белые проиграли не только в силу военных причин или из-за отсутствия внятной политической и экономической программы — они проиграли, потому что никогда не обладали именно моральным преимуществом перед своими противниками. Их мораль была моралью социального эгоизма — и она потерпела поражение.

Мораль сегодня, как и 90 лет назад, вырастает из политической мысли. Не надо совершать гигантского умственного усилия, чтобы осознать этот очевидный факт: какова политическая философия (идеология, политический дискурс), навязываемая обществу, такая же в нем будет и мораль.

Но какая мораль объективно может вырасти из той политической философии, которая на волне антилиберализма и антиамериканизма

стала популярной сейчас? То есть — из элитизма, цивилизационизма (пресловутая теория «конфликта цивилизаций»), риторики «национальных интересов» и т.д.? Только та самая мораль, по которой мы живем сегодня, которая стала частично предпосылкой, а частично плодом той самой капиталистической революции, что уже случилась в России 15 лет назад. С тех пор мы и бродим в тупиках этой самой морали — общей как для «военно-полицейского феодализма», так и для самой демократичной из буржуазных демократий.

Современная Россия ничего не может предложить миру в нравственном и интеллектуальном плане именно из-за торжества в ней этой самой морали. Максимум, на что способно такое моральное сознание — это гибкое преследование «национального интереса» в надежде, что, «гармонизируя» себя, твоя страна улучшит и весь мир. Но смешно полагать, что такой народ будут любить или хотя бы уважать другие народы. Если он ослабеет, его станут презирать и унижать, если будет сильным — ненавидеть. В лучшем случае — относиться равнодушно. С какой стати прочим народам любить или уважать страну, руководство которой неоднократно заявляло, что самым главным для нее является преследование собственных интересов, а общественное мнение в целом с ним солидарно, поскольку полностью разделяет с ним политическую философию и мораль, из которой такая стратегия вытекает?

Сегодня мы живем в стране, которая еще сохраняет стабильность, основанную на былых сверхдоходах от нефти, которая обуздала «криминальную революцию», восстанавливает военную силу и стремится стать «энергетической сверхдержавой». Иными словами, строит себе уютный тупичок, подгребая в него все, до чего может дотянуться (например, до дна Северного Ледовитого океана). И получается, что, цинично предав гуманистические идеалы Модерна в пользу эгоистической морали цивилизационизма, Россия почти процветает. И это есть послание современной России миру.

Причем по существу, по рациональным и моральным соображениям Запад последовательно критиковать Россию не может. Он сам такой же, только еще стыдливо прикрывается формальной приверженностью идеалам либерализма и Модерна. Запад тоже строит себе тупичок, который в дальнейшем готовится оборонять. Остается придираться по частным вопросам — да как иначе? У нас ведь тоже либерализм и «вопреки навязываемому западному — да и нашему — обывателю мнению современная Россия вполне разделяет ценности западной демократии»¹.

¹ Гусейнов Э. Константин Косачев: Мы за диалог, но не за «бартер» с Западом // Российская газета. 12 декабря 2005 г.

Иными словами, еще сохраняющие совесть и тревогу о мире представители Запада видят в России свой завтрашний день, и такое завтра им не нравится. В течение последних 15 лет Россия в ускоренном темпе прошла те стадии приспособления к фактору морального коллапса, которые на Западе заняли века.

В начале этого пути мы приняли донельзя огрубленную версию либерального морального минимума — мораль «дикого рыночного капитализма». Результат нам не понравился и теперь вот уже в течение десятилетия у нас пытаются создать или возродить (или даже симулировать возрождение?) более приспособленную к нуждам общества, более «человеческую», нерыночную локальную мораль. Но эта локальная мораль в ситуации отказа от проекта Модерна в измерении политической мысли выражается то в попытках создания национальной идеологии, то в провозглашении себя энергетической сверхдержавой, то в символическом возрождении советского и имперского наследия, то в попытках православия вновь стать государственной религией. Эта модель локальной морали — явно тупиковая. Наша морально-политическая реакция на обострение фактора морального коллапса интеллектуально бесплодна.

По той же причине наша нынешняя «элита» не способна поставить вопрос о «справедливом мироустройстве» или даже придумать «национальную идею». Потому что ведь национальная идея в действительности не только национальна, она предлагает вариант развития для всего мира (как, например, американская национальная идея «общества равных возможностей»). У нас же все сбивается либо на тему бытового благополучия, либо на тему мирового лидерства. Когда же становится понятным, что ни для мирового лидерства, ни даже для бытового благополучия сил недостаточно, возникает тема автаркии. Появляется закономерная мысль: не закрыться ли нам временно от мира (хотя бы экономически), дабы окрепнуть? А параллельно придумать новую или не совсем уж новую национальную идею. Вроде пресловутого Катехона, удерживающего мир от сползания к Апокалипсису, восстановления монархии или христианской реставрации во всемирном масштабе.

Понятно, что слабая Россия не сможет реализовать никакого варианта справедливого мироустройства. Сильным быть всегда лучше, чем слабым. Но сегодня вместе с соответствующими политическими философиями мы выбираем исключительно те варианты морали, которые просто позволили бы нам стать сильными и поэтому мораль для нас в общем-то не имеет значения. В этом, как ни печально, и заключается нравственное значение нашей последней «революции».